

Дмитрий Ластов

КОГДА ТЫ МНЕ ПРИСНИШЬСЯ

лирическая история, случившаяся на последнем этаже многоэтажки

Действующие лица

Ваня – коренастый парень 27 лет.

Вера – невысокая девушка 25 лет.

Соседка – невзрачная мелкая дама за шестьдесят.

Димыч – вахтёр, около шестидесяти лет, крупный мужчина.

В пьесе использованы стихотворения из русской поэзии и стихотворения современного поэта Елены Лабутиной.

КОНТАКТНЫЕ ДАННЫЕ АВТОРА

sovetika@mail.ru

(в. 15)

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

Последний этаж многоквартирного дома. Справа и слева видны двери в квартиры, посередине видны двери лифта, справа от него темный коридор к лестничной клетке, которую не видно.

На этаже, ближе к одной из дверей, видны канистры с краской, рулоны обоев, какие-то коробки, сложенная лестница, картонные ящики, что-то укрыто плёнкой.

Слышится звук поднимающегося лифта. Двери лифта открываются. Из лифта выходят Вера и Димыч. У Димыча в руках стопки книг.

ДИМЫЧ. И куда тебе столько!? А, Верка!?

Вера выходит из лифта и открывает дверь.

ВЕРА. Да вот шла, на нарциссы и тюльпаны смотрю, на солнце весеннее, а вижу, у подъезда книги валяются. Выбросил кто-то. Жалко. Решила вернуться, домой отнести.

ДИМЫЧ. И ты всё в дом несёшь.

ВЕРА. Димыч, а как можно книги выбрасывать. Ты посмотри.

Димыч одной рукой держит стопку книг. А другой - берёт первую книгу сверху.

ДИМЫЧ. Стихи советских поэтов. И что... Сейчас это и не нужно никому.

ВЕРА. Это книги, Димыч. Стихи. Нельзя их выбрасывать!

Вера открывает дверь и входит в квартиру. Димыч остаётся у двери.

ДИМЫЧ. Ну, тебе виднее.

ВЕРА. Подержи их пока. А что там за мусор у лифта?

ДИМЫЧ. Да ремонт в 204-й делают. Наняли, видно. Там, внизу, двое ребят разгружаются. Не видела?

ВЕРА. Нет.

ДИМЫЧ. Гундосый один, противный, а второй - вроде ничего. Ты бы побыстрее, а то эта мегера опять ко мне прицепится, что пост оставил.

ВЕРА. Злая она. Всех же мучит. Повезло же нам с этой старшей по подъезду. Давай книги.

ДИМЫЧ. Вот ведь и сюда прибежит узнавать — кто ремонтирует и зачем? И понимаешь, Вер, ведь подкрадывается незаметно. Я Шаршари в Афгане брал, а её пугаюсь.

ВЕРА. Я тоже пугаюсь...

ДИМЫЧ. Ты-то что... А я-то что её так, ну, боюсь...

Вера выходит из квартиры и берёт у Димыча книги. Из одной из книг вылетают несколько листочков. Вера не замечает это и уходит. Димыч их поднимает.

ДИМЫЧ. Стихи какие-то. Верка, что ли, опять написала. Вот пишет же. Когда-то и я писал стихи.

Димыч разворачивает листки и читает. Потом читает вслух.

ДИМЫЧ. В хрустальный шар заключены мы были, и мимо звёзд летели мы с тобой, стремительно, безмолвно мы скользили из блеска в блеск блаженно-голубой. Во даёт! Вер! Не слышит. Вер! Не слышит. Хоть мы грустим и радуемся розно, твоё лицо, средь всех прекрасных лиц, могу узнать по этой пыли звёздной, оставшейся на кончиках ресниц...

Выходит Вера. Закрывает дверь.

ВЕРА. Димыч, ты что, стихи... Ты...

ДИМЫЧ. Это ты что, сама опять, написала?

ВЕРА. Это нет. Это Набоков.

ДИМЫЧ. А, поэт, значит. Ну, ничего так, пойдёт. Любишь ты эти стихи писать. Тебе бы попрактичнее быть. А сейчас ты куда? В школу, на уроки?

ВЕРА. Да, опять опоздаю.

ДИМЫЧ. Будут на тебя ругаться?

ВЕРА. И пусть. Пусть ругаются.

ДИМЫЧ. Дисциплина всё-таки нужна, Верка. Да и конец года уже, вашего учебного.

ВЕРА. Это ты был командиром, а я другая. Мне надо мечтать, верить, понимаешь!

ДИМЫЧ. Во что верить-то?

ВЕРА. В чудо, в любовь!

ДИМЫЧ. А ты с этой любовью-то не обожжёшься-то!?

ВЕРА. И пусть. Понимаешь, пусть.

ДИМЫЧ. Жалко мне тебя, Верка. Хорошая ты!

ВЕРА. Стихи - это же, как жизнь. Знаешь, Димыч, а иногда мне кажется, что здесь, на этом последнем, семнадцатом, этаже, я ближе всех к нему.

ДИМЫЧ. К кому?!

ВЕРА. К нему.

ДИМЫЧ. Пора нам. А то эта мегера будет ругаться.

Вера останавливается и читает.

ВЕРА. Нет без тебя света, нет от тебя ответа. Верю, что ждёшь где-то. Всюду зову, всюду ищу тебя. Верю, что ждёшь где-то. Слышишь, зову, слышишь, иду к тебе.

ДИМЫЧ. Это твои? Хорошие...

ВЕРА. Нет, Димыч, не мои. Это один поэт написал. Песня такая была.

ДИМЫЧ. Ну ладно.

ВЕРА. Сон мне тут приснился, вот и вспомнила эти строчки. Может, это весна так... Скажи, Димыч, а вот ты задумывался о том, что такое любовь?

ДИМЫЧ. Да ты, Верка, всегда вопросы назадаёшь?

ВЕРА. Задумывался. Ну, что такое любовь?

ДИМЫЧ. Раньше, Верка, я стихи писал. В училище.

ВЕРА. Правда!?

ДИМЫЧ. Только ты не говори никому.

ВЕРА. Почему?

ДИМЫЧ. Не надо. А вот, знаешь... Вот, было у меня дело такое. В Кундузе, в 87-м, ну, в Афгане.

ВЕРА. И что?

ДИМЫЧ. Когда ранили меня, в госпитале в Ташкенте лежал. А Валька, жена моя, тут же прилетела туда. Через вахту, через всех прошла, ещё от операции не отошёл. Смотрю — она, Валька. Тихо так, испуганно, входит в палату, на меня смотрит. А на лице... А словами, вот не знаю сказать, это ты там стихами лучше скажешь. А любовь... Я тогда смотрел на неё и подумал, вот это самое, вот ради этого и выжить надо было тогда, в Кундузе. Ладно, Верка, поехали.

Димыч вызывает лифт.

ДИМЫЧ. Ты это, Верка, ты это, если кто чего, не обижайся на людей. Они просто тебя не понимают. Я то знаю.

ВЕРА. Хороший ты, Димыч. Только ты и понимаешь...

ДИМЫЧ. Кого?

ВЕРА. Меня, Димыч.

ДИМЫЧ. А... Это да.

Приходит лифт. Они уезжают.

Затемнение.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

Пустой коридор. Никого. Приходит лифт. В лифте Ваня с поклажей. Выносит быстро из лифта очередные коробки, какие-то рулоны. На одну из коробок ставит пакет с чипсами и бутылку воды с газировкой. Двери лифта закрываются. Слышится звук уходящего вниз лифта. Парень остаётся на лестничной клетке один. Переводит дух. Укладывает вещи, чтобы не мешали пройти к двери квартиры.

Из тёмного коридора появляется соседка. Ваня её не видит. Она внимательно следит за ним.

СОСЕДКА. И что это значит!?! (*громко*)

Ваня роняет от неожиданности рулоны обоев.

СОСЕДКА. Стой и не двигайся! Понял! Значит, квартиру тут грабишь! То-то я слышу, ходит тут такой деловой. Среди бела дня! Бандит!

Ваня непонимающе на неё смотрит.

ВАНЯ. Да не граблю. Наняли нас. Ремонт.

СОСЕДКА. Ну-ну... А мне почём знать, кто ты такой и что тут делаешь. Может, ты вор какой!?! Это что? (*показывает на краску и рулоны с обоями*)

ВАНЯ. Краска, обои. Не видите!?!

СОСЕДКА. Всё я вижу! Не юли тут!

ВАНЯ. Да я занесу. Мы ремонт тут будем делать. Говорю же... Я занесу сейчас всё. Потом уберу. Не беспокойтесь.

СОСЕДКА. Это мне не беспокоиться!?! Уберёт он! Полдома на воздух взлетит, а мне не беспокоиться! Может, ты террорист! Я полицию сейчас вызову. Бандит!

ВАНЯ. Наняли нас ремонт делать. Это краска, обои, клей...

СОСЕДКА. Что-то не похоже это на клей. Может, это гексоген или тротил. Ты смотри!?! Во, навалил тут! А внизу стенку не ты поцарапал? А лавочку у третьего подъезда? А на третьем этаже не ты курил? Окурки набросаны.

ВАНЯ. Да не был я там.

СОСЕДКА. А шприц на седьмом?

ВАНЯ. Да говорю же...

СОСЕДКА. Так, а машина-газель твоя?

ВАНЯ. Ну, наша.

СОСЕДКА. Чья?

ВАНЯ. Олега.

СОСЕДКА. Что за Олег такой? Сообщник!?!

ВАНЯ. Да какой сообщник, шеф мой, ну, типа начальника.

СОСЕДКА. Главарь, значит! Награбили тут и вывозите втихую. И номера не московские...

ВАНЯ. Не московские, ну и что?

СОСЕДКА. Так я и знала. Вызываю полицию. Ну, стой!

ВАНЯ. Да стою я. Чего вы? Мы здесь вот ремонт будем делать. А номера смоленские.

СОСЕДКА. Гастролёры! Промышляете тут. Это что тут?! (*показывает на чипсы*)

ВАНЯ. Чипсы.

СОСЕДКА. Еда, значит, бесовская. Фу, нечисть!

ВАНЯ. Почему?

Соседка берёт пакет и открывает. Ваня удивлённо смотрит на её наглость. Соседка некоторое время ест чипсы.

ВАНЯ. Да я говорю — ремонт тут будем делать. Какие мы воры!

СОСЕДКА. В 204-й?

Ваня смотрит на номер на квартире.

ВАНЯ. Ну да, здесь...

СОСЕДКА. Это, значит, надо мной тут долбанить будете с утра до ночи. Это мне надо!?

ВАНЯ. Да мы аккуратно, профессионально.

СОСЕДКА. Профессионалы тут нашлись. А разрешение у тебя есть? А лицензия есть? А в налоговой зарегистрировался? Найду я на вас управу! Мошенники!

ВАНЯ. Какие разрешения?! Да мы аккуратно. Обои поклеим, плитку положим, теплые полы, потолок покрасим...

СОСЕДКА. Тёплые полы! Ишь ты! А они меня залили, ты в курсе?

ВАНЯ. Кто?

СОСЕДКА. Из 204-й залили. И ты им ремонт будешь делать! Сами, значит, они на даче прохлаждаются, а мне терпи.

ВАНЯ. Да не беспокойтесь.

СОСЕДКА. Да ну, какая гадость эта ваша еда бесовская! Забирай! Зачем только мне дал эту гадость!

Кидает пакет с чипсами Ване.

СОСЕДКА. Не беспокойтесь, знаю я. Надо проверить, кто ты такой. Я вызываю полицию, пусть проверяют. Террористов везде полно. Ходят тут. Вот это что у тебя?

ВАНЯ. Краска.

СОСЕДКА. А я откуда знаю, что краска.

ВАНЯ. Ну, краска же.

СОСЕДКА. А это ещё, скажи, что плитка.

ВАНЯ. Ну, плитка.

СОСЕДКА. Отойди от меня!

ВАНЯ. Да я и не думал.

СОСЕДКА. Руки убери. Отойди. Я в полицию звоню.

ВАНЯ. Вот, блин, Олег. Свяжешься же с ним.

СОСЕДКА. Сообщник твой! Не приближайся!

ВАНЯ. Да не сообщник.

СОСЕДКА. Террористы! Банда!

ВАНЯ. Вот напасть!

СОСЕДКА. Что!

ВАНЯ. Да мы ремонт тут делаем. Олег договорился, деньги получил.

СОСЕДКА. Деньги получил! Главарь, значит! Так и знала!

ВАНЯ. Да не главарь. Вот смотрите — у меня и ключи есть.

СОСЕДКА. И ключи у него есть. Подготовились, значит.

ВАНЯ. Ну, я же сказал. Договорились, задаток получили, всё купили. Разрешение нам не нужно... Ну...

СОСЕДКА. Так и знала - финансирование терроризма, отмывание денег. Коррупционеры! Притон тут устроить хотите, шприцы разбрасываете, курите тут.

ВАНЯ. Вот свяжешься с Олегом — всегда так... Подстава...

СОСЕДКА. Ты тут басни мне не шарашь!

ВАНЯ. Сам где-то ездит... С пяти утра на ногах...

СОСЕДКА. Я в управу позвоню, в префектуру, мэру... Звоню в полицию... Нет, в ФСБ. Тут у тебя Олег какой-то. Пусть разбираются.

ВАНЯ. Да не надо в ФСБ. Ну... Я же сказал вам...

СОСЕДКА. Что сказал?

ВАНЯ. Ремонт мы делаем. Олег — мой начальник. А я ремонт делаю. Он ищет клиентов — я делаю.

СОСЕДКА. По наводке, значит.

ВАНЯ. Блин, ну, что за... День не заладился. Слушайте, никого грабить я не хочу. Мне бы занести это всё в квартиру - и домой, спать. Я вообще с пяти утра на ногах и не ел целый день.

СОСЕДКА. Вы так все говорите. А ну, паспорт свой покажи. А то скажешь, и паспорта у тебя нет!

ВАНЯ. Сейчас.

Ваня ищет свой паспорт, а соседка внимательно оглядывает обои, плитку и краску.

СОСЕДКА. Богатеи! Живут же... Буржуи!

ВАНЯ. Что?

СОСЕДКА. Говорю, что меня затопили, а сами ремонт делать. Буржуи! А телевизор наверняка из-за них не работает. Двадцать четыре года работал, а тут те на...

ВАНЯ. Вот.

СОСЕДКА. А ну стой! Давай сюда. Блиско не подходи.

ВАНЯ. Я не заразный...

Соседка берёт паспорт Вани и внимательно его рассматривает.

СОСЕДКА. Не заразный он... Кто вас знает, заразные вы или нет. Народились тут. С телефонами да интернетами ходят тут выродки, а потом из-за вас холодильники перестают работать...

ВАНЯ. Что?

СОСЕДКА. Холодильник из-за вас не работает. С Интернетом тут ходят всякие — а я болею. Так, значит Иван...

ВАНЯ. Да.

СОСЕДКА. Сергеевич Охотов. Так, сколько там тебе?.. Двадцать семь. Так, это вычитаем... Нет, двадцать восемь. Так, ясненько... Прописка...

ВАНЯ. Смоленск, 2-я Киевская...

СОСЕДКА. Не части. Смоленск, 2-я Киевская, дом восемь. Так...

Листает паспорт.

СОСЕДКА. Не женат. Ясно... Все вы сейчас, как их там, гомофобы, тьфу, голубой, небось, а?

ВАНЯ. Нормальный я.

СОСЕДКА. Значит, гомофил, гейфил, тьфу, нечисть, колятся тут, на третьем этаже шприцы бросают... хей поганые. Так, Это что тут?

ВАНЯ. Военный билет.

СОСЕДКА. Так, рядовой написано... Значит, что в армии был. Ну, там щас тоже полно этих самых...

ВАНЯ. Паспорт отдайте.

СОСЕДКА. Э... Ближе ко мне не подходи. Руки он тут распускает. Ну ка...

ВАНЯ. Паспорт отдайте.

СОСЕДКА. Значит, так... Я тут официальное лицо. Знаешь кто я?!

ВАНЯ. Слушайте, верните паспорт.

СОСЕДКА. Я старшая по подъезду, я советник главы управы, я ответственное лицо... А ты тут аферу хотел провернуть. Вот вызову полицию... И в управу позвоню.

ВАНЯ. Знаете что...

СОСЕДКА. Ты тут не юли. Паспорт я оставляю себе.

ВАНЯ. Паспорт отдайте!

СОСЕДКА. А эти из 204-й - буржуи! Они меня залили! Значит, так, вот этот цвет как раз мне для кухни подойдёт — красишь им мне кухню... Понял! (*показывает на банки с краской*).

ВАНЯ. Не понял.

СОСЕДКА. Все вы геи такие... Значит, говорю: от этих богатеев не убудет — покрасишь мне кухню и потолки побелишь в ванной и туалете вот этим... Залили они меня, понял... И плитку, смотри, себе какую хорошую...

ВАНЯ. Да вы чего! Паспорт отдайте.

СОСЕДКА. Не подходи ко мне. Не отдам. А ещё телевизор мне починишь и холодильник, понял!

ВАНЯ. Я не буду ничего делать.

СОСЕДКА. Ну ладно, твои проблемы. Я пошла в полицию звонить — пусть разбираются...

Соседка направляется к выходу.

ВАНЯ. Подождите.

СОСЕДКА. Ну...

ВАНЯ. Я Олегу позвоню, шефу.

СОСЕДКА. Главарию...

Ваня набирает телефон.

ВАНЯ. *(В телефонной трубке слышится голос, который что-то говорит громко.)* Да, Олег! Я всё поднял. Нет, ещё не вошёл. Тут проблема. Да подожди! Слушай... Подожди, тут проблема. Тут соседка объявилась, просит стены ей покрасить, туалет там, ванную, холодильник отремонтировать... Да нет, платить не хочет. Что? Послать ее к лешему...

СОСЕДКА. Вы террористы! Преступники! Вас сажать надо! Маньяки!

ВАНЯ. Олег, это не сумасшедшая — это соседка.

СОСЕДКА. Что!? Хамы! Грубияны! Народились тут выродки! Я старшая по подъезду. Я советник главы управы! Я полицию на вас вызову. Полиция меня знает! Ой, как они меня знают!

ВАНЯ. Да, да, да... Она паспорт у меня взяла. Может, поговоришь с ней. Ты когда будешь? Что? А мне что? Вот сам и разбирайся.

Ваня даёт телефон соседке.

СОСЕДКА. Не подсовывай мне. От него голова болит. Бесовские штучки свои убери.

Слышится голос Олега из трубки.

СОСЕДКА. Держи его подальше.

Слышится голос Олега, Ваня держит телефон у уха соседки.

СОСЕДКА. Ну-ка. Давай. Вот держи так свой телефон. Вот-вот. Так что ты там говоришь!?

Слышится голос Олега.

СОСЕДКА. Так. Да. Нет. Не будет у вас ремонта. Вы, значит, тут будете шуметь, а у меня телевизор не работает. Я пенсионерка! Я бедная! Все тут богатеи живут, а я мучайся... Не будет вам ремонта. Полицию вызову. Меня там вот как знают. Я вам устрою, поняли!?

Слышится голос Олега из трубки.

СОСЕДКА. Значит так, кухню мне покрасите, туалет с ванной побелите, холодильник отремонтируете и телевизор с телефоном посмотрите. Поняли?

Слышится голос Олега. Ваня непонимающе и с раздражением смотрит на соседку.

СОСЕДКА. Ну вот, доходит! Значит, понял... Ну вот так-то. Убери! *(Ване.)*

Ваня берёт трубку и слышит голос Олега. Соседка важно смотрит на него.

ВАНЯ. Ты что офигел! И это я должен всё! Ты-то будешь? Ну ты даёшь! Я с пяти утра на ногах. Я есть хочу. Что?

Ваня убирает телефон и вопросительно смотрит на Соседку.

ВАНЯ. И кто Вы так!?

СОСЕДКА. Значит так, В виде исключения, так уж и быть, я звонить не буду никуда. В полицию звонить не буду, понял! Пока не буду.

ВАНЯ. Ну да...

СОСЕДКА. Вот это всё тут убираешь. И чтобы чисто было! И завтра утром приходишь ко мне в 200-ю квартиру, этажом ниже, понял? И эти, там, бахилы не забудь, грязь мне не тащи.

ВАНЯ. Ну, понял.

СОСЕДКА. Вот, развелись тут. Интернеты тут свои понавключают, а у меня голова от таких болит. И тихо тут! Не шуми.

ВАНЯ. Хорошо.

СОСЕДКА. Ванёк...

ВАНЯ. А паспорт?

СОСЕДКА. Что!?

ВАНЯ. Паспорт верните!

СОСЕДКА. Ишь, что захотел! Паспорт ему вернуть. У меня останется.

ВАНЯ. Верните паспорт!

СОСЕДКА. Будет залогом. А то, кто тебя знает! Террористов тут пруд пруди, развелось вас, геев поганых, полным-полно. У меня будет. Не дам. А ну, не подходи. Деловой! Паспорт ему верни! Не отдам. Убирай всё тут! Слышь!?

ВАНЯ. Что?

СОСЕДКА. Ну-ка, пакетик мне дай.

ВАНЯ. Чипсы?

Ваня протягивает ей пакет. Соседка берёт пару штук.

СОСЕДКА. Бесовской этой гадости.

ВАНЯ. А зачем едите?

СОСЕДКА. Чтобы понять, что это гадость. Грубиян! Жалко ему! Я тебе в матери гожусь!

Соседка вызывает лифт. Слышится звук поднимающегося лифта.

ВАНЯ. В бабушки, гадюка! (*вполголоса*).

СОСЕДКА. Что-что!?

ВАНЯ. Ладно, говорю.

СОСЕДКА. Не бузи тут, а то шприцы тут, сигареты набросают. Понял, не кури тут. И не шуми.

ВАНЯ. Я не курю...

Соседка садится в лифт.

СОСЕДКА. Деловой. Ванёк!

Двери лифта закрываются. Видно довольное лицо соседки.

Затемнение.

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

Ваня ест чипсы. Кладёт пакет и начинает расставлять и разбирать банки с краской и рулоны, чтобы освободить проход к квартире. Слышится звук поднимающегося лифта.

ВАНЯ. Опять эта коза едет!

Ваня отходит поодаль от дверей лифта, так, что его не сразу видно. Руками он делает произвольные жесты, из которых видно, что он придушил бы эту соседку.

Открываются двери лифта. Выходит Димыч. Осматривает коридор. Подходит к рулонам и банкам с краской. Ваню он видит не сразу.

ДИМЫЧ. Это ты Иван Сергеевич? Охотов ты?

ВАНЯ. Ну.

ДИМЫЧ. Значит, ты.

ВАНЯ. Я.

ДИМЫЧ. Мне тут старшая за тобой присмотреть сказала. Сказала, что тут наверху наркоман, рецидивист, террорист, обнальщик, бандит и коррупционер засел. А, стой, ещё вот она говорила, что ты гастролёр, грубиян, молокосос, придурок и гей. Это ты?!

ВАНЯ. Наверное.

ДИМЫЧ. Не обращай внимания. Она у нас такая. Ты что, тут ремонт будешь делать? В 204-й?

ВАНЯ. Да.

ДИМЫЧ. Старшая сказала, чтобы я тут последил, всё ли ты занёс. Говорит, проверит. Она у нас дама такая. С ней, вот, лучше не связываться. Задолбает, карга старая. Я бы пристрелил бы её.

ВАНЯ. Тоже.

ДИМЫЧ. А тебя, видать, она уже достала. Вот, ходит, вот, всё ей надо. Вот, житья людям не даёт. Только прикорнешь – ну, нет, тут же нарисуетя. Вот, тут же. Ну-ка стой.

ВАНЯ. Чего.

Димыч уходит в дальний угол. Его не видно. Оттуда он говорит.

ДИМЫЧ. Да, понимаешь, она, карга, такая, что может стоять и подслушивать. Я вот, не помню, дома она или пошла погулять. Проверил. А то вот так вот встанет где-нибудь, её не видать, и слушает. А ты чего не занесишь. Придёт – шуму будет.

ВАНЯ. Сейчас. Да я хотел занести, а она пришла.

ДИМЫЧ. Она всегда так. А что ты один тут? Я думал вы вдвоем. Там такой ещё гундосый был.

ВАНЯ. Это шеф мой. Олег.

ДИМЫЧ. Ну и зови его и заносите.

ВАНЯ. Да он... Только подставу и жди от него. Уехал он.

ДИМЫЧ. А ты тут один?

ВАНЯ. Заказы у него. Не до меня. Сам свалил, А эта коза пришла. Вот прибить бы их всех!

ДИМЫЧ. Да ты не кипятись. Открывай, да помогу тебе.

ВАНЯ. А она, понимаете, говорит: то ей чини, да это.

ДИМЫЧ. Это она может. Лучше ей на глаза не попадаться.

ВАНЯ. То ей отремонтируй, это там крась.

ДИМЫЧ. А паспорт зачем ей отдал? Тыкала мне тут твоей фоткой.

ВАНЯ. Отняла она.

ВАНЯ. Это она может. Ей лучше в руки ничего не давать. Ну, открывай.

Ваня достаёт связку ключей, смотрит, какой ключ вставить.

ВАНЯ. Понимаете, самое главное - весь ремонт, как всегда, на моей шее. А Олег, вот упырь! Только указывает. Ещё и эта приплелась, будь она неладана. Советник управы, старшая по подъезду (*передразнивает*).

ДИМЫЧ. Ты не кипятись. Сейчас занесём. Помогу тебе, раз такое дело.

ВАНЯ. Спасибо.

Ваня находит нужный ключ, вставляет его в скважину, но рука его дергается и он роняет связку.

ВАНЯ. Вот напасть!

Ваня берёт связку, рассматривает её.

ВАНЯ. Так! Ну, слушайте, ну, что за ключи!

ДИМЫЧ. Что там? Ты чего? Ключи-то те?

Ваня опускается на колени, ищет что-то. Потом находит. В его руках сломанный на две части ключ. Он сломался от падения на пол.

ВАНЯ. Вот непруха! А!

ДИМЫЧ. Вань, ты чего?

Ваня пытается соединить ключ, прикладывая одну половинку к другой.

ВАНЯ. Ну почему!?

ДИМЫЧ. Дай сюда.

Ваня даёт куски ключа Димычу, а сам достаёт телефон и набирает номер.

ДИМЫЧ. Это уже всё. Не, не склеить. И чего они ключ из такого металла делают. И вставлять, понимаешь, опасно. Может там в скважине застрять. Другого-то ключа у тебя нет? Хозяевам позвони.

Ваня дозванивается по телефону и начинает говорить.

ВАНЯ. Олег, я не могу войти в квартиру. Ты можешь вернуться? *(Олег говорит ему что-то в трубку)*. Да что почему. Тут такая штука - стал дверь открывать - ключ из рук выпал и сломался. Не ори, сколько ключи падали - не ломались. Не криворукий! Откуда я знаю! Что? Сейчас поедешь к хозяевам за город? Через сколько? Часа три! Ну, виноват! Ну, ладно! Жду. Попробуй. Ну, сам не знаю! Пока. Всё. Пока.

Ваня садится рядом с дверью.

ДИМЫЧ. Слушай, Вань, ну ничего страшного. Так вот бывает.

ВАНЯ. Вот не надо было браться за этот ремонт. Да ещё с Олегом связываться. Вот как чувствовал - сразу всё не так пошло. Хозяева ещё такие зануды!

ДИМЫЧ. Эти-то, из 204-й, зануды. Это да.

ВАНЯ. Понимаете, плитка им не та, обои меняй, плитку меняй - заколебали. Сами на даче чай гоняют, а я по магазинам мотайся. У меня здесь живот есть просит. И ключи вот эти... Что за день такой!

ДИМЫЧ. Это металл старый. Металл такой. Это уже всё – не склеить. Вот так.

ВАНЯ. И что делать? Да ну.

ДИМЫЧ. Что, будешь ждать?

ВАНЯ. А куда деваться! Часа через три приедет.

ДИМЫЧ. Слушай, я бы тебя к себе взял, в коморку, но карга эта, будь она неладна... Задолбает потом.

ВАНЯ. Да ладно. Я тут.

ДИМЫЧ. Меня, слушай, Димычем зовут. Ты тут, если что, обращайся там.

ВАНЯ. Ладно.

ДИМЫЧ. А вот, что карге сказать, теперь не знаю. Ведь придёт проверять...

ВАНЯ. И паспорт у меня взяла.

ДИМЫЧ. А чего ты кому попало свои паспорта раздаёшь!?

ВАНЯ. Я не думал.

ДИМЫЧ. Ты с ней ухо остро держи. Та ещё!

ВАНЯ. А теперь, вот, я ей кухню должен покрасить, туалет и ванную побелить, отремонтировать телевизор и холодильник.

ДИМЫЧ. Ну-ну!

ВАНЯ. Вот так.

ДИМЫЧ. Ну как с ней сладишь!? Прицепится - не отцепится. Это да. Попал ты. А если она это всё увидит, ну, что ты не убрал? Даже не знаю. Вот не помню, то ли она погулять пошла, то ли дома сидит.

ВАНЯ. Как вы её терпите?!

ДИМЫЧ. А куда деваться. Дай-ка мне эти чипсы, угости. А то давно такой гадости не ел.

Димыч берёт пакет и ест чипсы, садясь на какие-то банки.

ДИМЫЧ. Она, это... ну, рассудком ёкнулась. Ходит тут по подъезду, всё слушает, всё ей надо про всех знать. Тетрадку тут ведёт, про всех записывает, за всеми следит, всем угрожает. Какие-то фамилии известные называет. Все они у неё друзья. Мне кажется, что врёт она всё. Больная она. Но знаешь, с такими лучше не связываться. А мне, понимаешь, как тяжело! Я-то военный, я-то командиром был. А теперь вот эту дуру приходится терпеть. А куда деваться? Терплю... Терплю... В 86-м в Герате мы этих маджахедов... понимаешь, с вертолетов десантировались. Брали там, понимаешь. Такая там была... А сейчас... Вот что терплю. Прибил бы её!

ВАНЯ. Прибил бы. Это точно.

ДИМЫЧ. Она, тварь такая, ведь живучая. Ты сам-то откуда? Не местный же?

ВАНЯ. Из Смоленска.

ДИМЫЧ. А, знаю такой. Что там, красиво?

ВАНЯ. Нормально.

ДИМЫЧ. Ясно. Что там, жена, дети? А то, там она про тебя, эта карга наша, наговорила.

ВАНЯ. Да нет, куда мне жену с детьми.

ДИМЫЧ. А что так? Пора.

ВАНЯ. А деньги? Мама в Смоленске, сестрёнки там...

ДИМЫЧ. Значит, кормилец будешь!?

ВАНЯ. Да, один я у них.

ДИМЫЧ. А отец твой, значит, куда-нибудь сдул.

ВАНЯ. Помер он. Давно.

ДИМЫЧ. А... Это плохо. А что, на ремонте-то много заработаешь?

ВАНЯ. Сколько заработаешь, столько и отдашь.

ДИМЫЧ. Ну да, тут я помогал одной. Так затеребила! То так прибрьёшь, то этак. Всё не так. Это да! Свяжешься тут. Это я тебя понимаю. Что же мне карге сказать? Может, спрячем куда твои пожитки.

ВАНЯ. Куда спрячем?

ДИМЫЧ. Может, куда под лестни? Там найдёт...

ВАНЯ. Да я бы быстро занёс.

ДИМЫЧ. В квартиру бы куда занести. Я-то в соседнем доме живу. Далекo туда нести. А вот в этих двух никто не живёт. Эти где-то за границей. А эта в санатории сейчас. А тут вот Верка живёт и мать её. Может, пришла уже?

ВАНЯ. Да вы что!? Всё это в квартиру заносить? Да никто не позволит.

ДИМЫЧ. Ну, это да. Хотя Верка-то нормальная, со странностями, но такая простая. Мамка у неё чудная. И она такая же.

ВАНЯ. Да зачем? Я здесь подожду.

ДИМЫЧ. Мегера придёт. Ты её не знаешь. Ты бы видел её – прямо слюной там, внизу, брызгала: террорист, бандит, гей... Говорит, визжит. Вот придёт, шуму будет. Убрали бы к ним в коридор быстро.

Димыч звонит в дверь.

ДИМЫЧ. И всё бы делов-то. Правда, слышь, может, и дома-то их нет. Верка-то в школе сейчас. А мать её в театре. Нет, наверное. Эта карга-то их задевает, ну, вот этих. Мать Верки-то покою ей не даёт.

ВАНЯ. А чего так?

ДИМЫЧ. Да эта мегера всех задевает. А Веркину мать тем более. Видно, когда-то поцапались, та теперь ей и мстит. И потаскуха она, и шлюха, и сутенёрша, и притоны она держит. Чего сказать - в голове не всё в порядке. Тут. Верка, ну, дочка, рассказывала, что пришла эта мегера сюда, крест большой в руке держит, бутылку с водой и давай крестом какие-то движения делать, водой поливать и что-то бормотать.

ВАНЯ. Видать, злых духов изгоняла.

ДИМЫЧ. Ну, ну... Кто бы из этой мегеры этих злых духов изгнал бы.

ВАНЯ. Может, вам полицию вызвать.

ДИМЫЧ. Да ты что. Она там, в тетрадке, всё записывает: кто с кем спит, кто куда ходит, кто кому квартиру сдаёт. С ней лучше не связываться.

ВАНЯ. И что, надо её бояться, и что, прямо на неё управы никакой нет?!

ДИМЫЧ. Да куда там. С больными-то этими связываться.

ВАНЯ. Вот дура! Паспорт, самое главное, забрала. Я-то и не подозревал. Говорит: покажи паспорт, может, ты террорист. Ну, я и показал.

ДИМЫЧ. Ну, ну, вот... Вот хитрая она. Вот знаешь, а компромат-то на неё есть... есть..

ВАНЯ. Компромат, надо же...

ДИМЫЧ. Да, она же та ещё прошмандовка!

ВАНЯ. Это видно. А что за компромат?

ДИМЫЧ. Да творит она делов. Прижать-то её можно, да знаешь, не хочется связываться. Терплю я её. Тяжко, а терплю. Противно. Платят тут мне - и ладно. А то прицепится - не отстанет.

ВАНЯ. Это точно.

ДИМЫЧ. Я-то всё про неё знаю. Чиркнёшь по ней - и вся святость-то её улетучится. Вот так. Ну, это ладно, незачем тебе это знать.

ВАНЯ. Ну да.

ДИМЫЧ. Слушай, ну ты тут держись. Если придёт эта мегера – обороняйся.

ВАНЯ. Постараюсь.

ДИМЫЧ. Мне вниз надо. А то там знаешь, ещё зайвится. Если что, я внизу, приходи.

ВАНЯ. Хорошо.

ДИМЫЧ. Слушай, а ты чего такой вялый какой-то?

ВАНЯ. Спать хочу.

ДИМЫЧ. А что так? Не выспался что ли?

ВАНЯ. Ну как с партнёром моим, с Олегом, утром встал я, поехали материалы для ремонта покупать. С пяти утра на ногах. Думал, привезу, разгрузимся - и свободен.

ДИМЫЧ. Да ты вот, в уголке и ложись. Тебе ждаться-то ещё долго. Кстати, ты там укройся как следует, глядишь, мегера эта тебя и не заметит. Давай.

ВАНЯ. Хорошо.

Димыч ждёт лифт и уезжает вниз.

ДИМЫЧ. Если что – я там, внизу. Ладно?

Ваня остаётся один, ходит по коридору, отковыривает какую-то пленку, какие-то коробки. Сооружает рядом с лифтом что-то вроде кровати из коробок и плёнок, рулонов обоев и укладывается, укрываясь кусками коробки и пленки. Под голову подкладывает коробку.

ВАНЯ. Ну, так...

Ваня закрывает глаза.

Затемнение.

ЧЕТВЁРТАЯ ЧАСТЬ

У лифта вся та же гора стройматериалов. Ваня лежит, укрытый плёнкой. Видно, что он ворочается, и плёнка шевелится. Слышится гул поднимающегося лифта. Лифт доезжает, и двери открываются. Из лифта выходит Вера. В руках у неё сумки. Она не замечает гору рядом с лифтом и направляется к противоположной двери. Достает ключи и собирается открывать дверь, но слышит шорох и пугается. Ваня в полусне шевелится под пленкой. Вера оборачивается и видит какие-то строительные материалы и шевелящуюся гору из пленки. Вера открывает дверь в свою квартиру, заносит сумки. Через некоторое время из двери появляется Вера, не переодевшись, но в руках у неё швабра. Вера испугана. Она осторожно подходит к лежащей куче и, не понимая, что это такое, осматривает её. Потом острым концом швабры начинает тыкать в кучу. Куче явно не нравится такое отношение, она начинает явно больше шевелиться. Вера испугана и чуть вскрикивает. Вера отходит подальше от кучи и

ближе к двери и острым концом швабры издали тыкает кучу. Куче, наконец, это надоедает, и раздаётся голос.

ВАНЯ. Ну, может, хватит?! Дайте поспать, что пристали. Мало вам!?

Вера оторопела.

ВЕРА. Вы кто?

Молчание.

ВЕРА. Кто Вы?! (*громче*).

ВАНЯ. Дайте поспать! Не приставайте! Сделаю я вам ремонт.

ВЕРА. Это мой этаж! Моя квартира! Что вы тут делаете? Какой ещё мне ремонт! (*смелее*).

Вера подходит поближе и тыкает с большей силой концом швабры в кучу. Куча встаёт. Появляется Ваня. Вера от неожиданности отбегаёт к двери и закрывает её на несколько оборотов.

ВАНЯ. Кто там ещё!? Вот, как её там. Ну, что пристала. И убежала... Коза...

Ваня садится на свою импровизированную постель из плёнки.

ВАНЯ. Такие вот всё портят. Придут, потыкают, сон перебьют и убегут. А ты сиди и жди... Я не страшный. Не кусаюсь и не вор (*громче*). Вот так!

Дверь квартиры Веры приоткрывается. Выглядывает Вера.

ВЕРА. Что Вам надо?

ВАНЯ. Я ключ сломал.

ВЕРА. И что?

Ваня роется в кармане, показывает Вере ключ.

ВАНЯ. Вот видите! Ключ сломал от 204-й. Он у меня выпал - и я войти не смог. Как-то так.

ВЕРА. Что так? В этой квартире никто не живёт!

ВАНЯ. Я ремонт делаю.

ВЕРА. Что делаете? Зачем тогда лежите тут?

Ваня привстает.

ВЕРА. Не подходите. (*Вера выставляет конец швабры*).

ВАНЯ. Да я ничего.

ВЕРА. Что вы здесь делаете? Ремонтируйте внутри. Там.

ВАНЯ. Да я же говорю - ключ сломался.

ВЕРА. Какой ключ? Знаю я вас!

ВАНЯ. Ну, вот он ключ (*показывает Вере ключ*). Он упал и сломался. У вас что, такого не бывает.

ВЕРА. Нет. Ну, может, и бывает...

ВАНЯ. Ну и ладно.

ВЕРА. Вы долго ещё тут будете лежать?

ВАНЯ. Я друга жду. Он ключ у хозяев должен взять.

ВЕРА. И что?

ВАНЯ. Что!?! Привезёт – откроет, занесём всё внутрь. Да я не сидел бы здесь. Вообще, я и есть хочу, и спать хочу. С пяти утра ничего не ел! Вот так!

ВЕРА. Всё равно, странно всё это.

Вера закрывает дверь.

ВАНЯ. А мне не странно. Вот есть же такие правильные. Такие всю жизнь портят. Всё у них по порядку. Ничего не ломается. Учатся на пятёрки. Сами всех учат.

Открывается дверь квартиры Веры и выглядывает Вера.

ВЕРА. Вы про меня? И не стыдно! Я всё слышу.

ВАНЯ. А не надо подслушивать.

ВЕРА. Это мой этаж. Что хочу, то и делаю.

ВАНЯ. Ну и делайте. А я, что хочу, то и говорю.

ВЕРА. Я сейчас полицию вызову! Может, вы преступник.

ВАНЯ. Скажи ещё: террорист. Была тут одна такая. Слов-то набралась. Тебе чего, скучно там сидеть в твоей квартире?

ВЕРА. Вы грубый!

ВАНЯ. Грубый, злой, неотесанный. Давайте, давайте... продолжайте... Говорю же - ключ сломался. Жду я здесь. Чем я мешаю?

ВЕРА. Ничем.

Вера закрывает дверь.

Затемнение.

ПЯТАЯ ЧАСТЬ

Ваня складывает коробки, что-то поправляет. Ходит по коридору. Подходит к двери квартиры Веры. Слушает. Отходит. Садится у лифта.

ВАНЯ. Ситуация!

Дверь квартиры Веры открывается. Выходит Вера, подходит к Ване и протягивает ему тарелку с бутербродами.

ВАНЯ. Что!?! Бутерброды!?

ВЕРА. Вы же голодный?

ВАНЯ. Вы же меня боитесь.

ВЕРА. Тебя-то? Не-а.

Ваня берёт бутерброд и откусывает кусок.

ВЕРА. А! Я чай принесу. Хочешь?

ВАНЯ. Угу.

Вера убегает.

ВАНЯ. Это не я странный, а она. То одно, то другое. Не поймешь их.

Приходит Вера со стаканом чая и даёт Ване.

ВАНЯ. Горячий!

ВЕРА. Ты не любишь?

ВАНЯ. Я же обожгу себе всё.

ВЕРА. Подожди, я сейчас принесу разбавить.

Вера убегает, а Ваня ставит стакан рядом с собой. Приходит Вера с кувшином.

ВЕРА. Вот, разбавь.

Ваня подливает воды в стакан, отпивает, кивает Вере.

ВЕРА. Пойдёт?

ВАНЯ. Да.

Ваня откусывает ещё кусок от бутерброда.

ВЕРА. А ты что, сам ремонт делаешь?

ВАНЯ. Ну да.

ВЕРА. Что, всё-всё.

ВАНЯ. Обои поклею, потолок покрашу, сантехнику могу поменять, проводку. Ничего сложного.

ВЕРА. Здорово! А мы с мамой как стали клеить обои, так и не доклеили.

ВАНЯ. А что так?

ВЕРА. У меня рост вот какой. А я на лестницу залезаю, и мне страшно упасть. А у мамы голова кружится.

ВАНЯ. И не доклеили?

ВЕРА. Нет. Обои снизу старые содрали, а сверху остались. Мы только, знаешь, снизу поклеили. Низ - одни обои, а верх - другие.

ВАНЯ. А что, мужика у вас в доме нет?

ВЕРА. Нет. Мы с мамой. Папка умер у нас. Нет мужика.

ВАНЯ. Ясно. Такая вроде смелая, а высоты боишься.

ВЕРА. Да знаешь, я как здесь на балкон выйду - страшно. Семнадцатый этаж, всё внизу такое маленькое. Как гляну - так мурашки.

ВАНЯ. Трусишка.

ВЕРА. Да.

Молчат. Ваня доедает бутерброд и допивает чай.

ВЕРА. Вкусно?

ВАНЯ. Да, спасибо.

ВЕРА. Принести ещё?

ВАНЯ. А можно?

ВЕРА. Я сейчас.

Вера берёт чашку, тарелку и кувшин и убегает к себе в квартиру. Дверь в её квартиру остаётся открытой. Ваня всматривается. Приходит Вера с чашкой чая.

ВЕРА. Держи, он не горячий.

Вера убегает и на ходу бросает.

ВЕРА. Сейчас, подожди.

Через мгновение прибегают Вера с кексом.

ВЕРА. Смотри, это я испекла.

ВАНЯ. А как его резать.

ВЕРА. Я нож забыла. Сейчас.

Вера убегает и вскоре появляется с ножом в руках. Но, появившись в коридоре, машинальным автоматическим движением закрывает дверь. Вера оборачивается и, видя свою закрытую дверь, произносит ошарашенно.

ВЕРА. Дверь закрылась.

ВАНЯ. Открой её.

Вера подбегает к своей двери, дёргает за ручку, но дверь не открывается.

ВЕРА. Не открывается, закрылась!

ВАНЯ. Ручку поверни - откроется.

ВЕРА. Она когда захлопывается, снаружи не открывается.

ВАНЯ. Английский замок?

ВЕРА. Не знаю (*дёргает ручку*).

Ваня подходит к двери, дёргает ручку. Дверь не открывается.

ВАНЯ. Закрылась.

ВЕРА. И что?

ВАНЯ. Так не откроешь.

ВЕРА. Совсем?

ВАНЯ. Совсем.

ВЕРА. А если ножом. На. (*Вера протягивает нож Ване*).

ВАНЯ. Ты думаешь?

ВЕРА. Она же закрылась. Как я попаду внутрь? Ты же мужчина — открой.

ВАНЯ. Я же не вор, чтобы ножом открыть дверь.

ВЕРА. Ну, это же просто: всунул - и открыл.

ВАНЯ. Куда? Ну, смотри. *(Ваня пытается всунуть нож в дверь).* Ничего не получается, Видишь?

ВЕРА. Ну а дальше. Ты не до конца вставил его.

ВАНЯ. Дальше не вставляется. А так я тебе замок вообще сломаю. Когда твоя мама придёт?

ВЕРА. Часа через три.

ВАНЯ. Надо её ждать.

ВЕРА. Её?

ВАНЯ. Я не взломщик.

ВЕРА. Жаль.

ВАНЯ. Ну, там, обои поклею, а двери нет. Не взламываю.

ВЕРА. А выбить её можешь?

ВАНЯ. Зачем? Подожди три часа - и всё.

ВЕРА. Мама скажет, что я опять на свою голову в историю попала. Сидела бы дома и ни с кем бы ни связывалась.

ВАНЯ. Это правильно.

ВЕРА. Что правильно? Сидеть дома и не связываться?

ВАНЯ. Ну да.

ВЕРА. Мне тебя стало жалко.

ВАНЯ. Ладно. Но, я её выломаю, а что дальше?

ВЕРА. Сходишь, купишь новый замок и вставишь. Ты же умеешь?

ВАНЯ. Шустрая. И дверь тебе ещё на петли обратно надо повесить?

ВЕРА. Типа того.

ВАНЯ. А маме как объяснишь?

ВЕРА. Не знаю. Объясню. Это лучше, чем здесь сидеть. Ну, ломай её.

ВАНЯ. Думаешь?

ВЕРА. Да.

Ваня встаёт, отходит от двери, разбегается и врывается со всего маха в дверь. Дверь остаётся на месте. Ваня, держась за плечо, отходит от двери.

ВАНЯ. Ну, блин, крепкая дверь.

ВЕРА. А мы её три года назад укрепили, штыри такие вставили железные.

Ваня смотрит непонимающе на Веру.

ВАНЯ. А чего раньше не сказала?

ВЕРА. Не знаю. Не подумала.

ВАНЯ. Не подумала она. Убился бы тут.

Ваня отходит от Веры и садится на своё место. Вера продолжает стоять и ждать чего-то.

ВЕРА. И что?

ВАНЯ. Надо ждать.

ВЕРА. Ждать?

ВАНЯ. Мама твоя придёт — откроет. Или слесаря вызови местного.

ВЕРА. Я не знаю, как.

ВАНЯ Тогда жди. *(зло).*

Ваня встаёт, собирается уйти.

ВЕРА. Ладно. Ты куда?

Затемнение.

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ

Ваня и Вера сидят у лифта рядом со строительными материалами. Ваня смотрит в одну сторону, Вера - в другую сторону.

ВЕРА. Ты обиделся?

ВАНЯ. Да нет.

ВЕРА. Обиделся.

ВАНЯ. Говорю же, что нет.

ВЕРА. Да знаю я. Извини.

ВАНЯ. Вот свалилась же.

ВЕРА. Я не свалилась. Это ты свалился.

ВАНЯ. Ну да.

ВЕРА. А тебя как зовут?

ВАНЯ. Ваня.

ВЕРА. Я так и думала.

ВАНЯ. Что ты думала?

ВЕРА. Что тебя так и зовут, как Бунина.

ВАНЯ. Да ну тебя. Это что, писатель?

ВЕРА. Ну конечно. А меня Верой зовут.

ВАНЯ. Я так и думал.

ВЕРА. Что думал?

ВАНЯ. Что тебя так и зовут.

ВЕРА. Почему?

ВАНЯ По качану.

ВЕРА. Ну да, что от тебя ещё ожидать. Грубый ты. Обои клеить ума особо не надо. Только сгрубить, обидеть, глупость сказать. И никакой романтики, никакой поэзии.

ВАНЯ. Ну конечно, только вы такие тут умные и развитые.

Ваня и Вера сидят порознь. Ваня напряженно о чём-то думает. Вера просто смотрит в сторону.

ВЕРА. Жаль, что дверь закрылась. Не уйти от тебя.

ВАНЯ. Нас мало — юных, окрыленных, не задохнувшихся в пыли, ещё простых, ещё влюбленных в улыбку детскую земли. (*Читает с выражением. Вера испуганно смотрит на Ваню*). Мы только шорох в старых парках, мы только птицы, в очарованьи... Забыл.

Для Веры неожиданно услышать от Вани эти строчки. Она продолжает читать стихотворение.

ВЕРА. Мы живём, в очарованьи пятен ярких, в чередованьи звуковом. Мы только мутный цвет миндальный, мы только первопутный снег, оттенок тонкий, отзвук дальний, - но мы пришли в зловещий век. (*читает артистично и с чувством*). Навис он, грубый и огромный, но что нам гром его тревог? Мы целомудренно бездомны, и с нами звёзды, ветер, Бог.

Вера как-то странно смотрит на Ваню.

ВАНЯ. Ну да.

ВЕРА. Откуда ты его знаешь?

ВАНЯ. Я грубый. Я ничего не знаю.

ВЕРА. Да ладно. Прости. Ты знаешь это стихотворение? Его Набоков написал.

ВАНЯ. Наверное.

ВЕРА. Откуда ты его знаешь?

ВАНЯ. Учительница любила его. Мне пятерка нужна была — я его и выучил. А ты чего, стихи любишь?

ВЕРА. Да, конечно. Очень люблю.

ВАНЯ. А чего так?

ВЕРА. Как так? Люблю.

ВАНЯ. А чего делаешь? Ну, по жизни.

ВЕРА. По жизни... учительница я... литературы и русского языка.

ВАНЯ. А, ясно (*немного переварив*). Учительница? Ты?

ВЕРА. А чего?

ВАНЯ. Такая маленькая!?

ВЕРА. Грубый ты. Ну, маленькая. Причем тут мой рост?

ВАНЯ. А как, тебя ученики-то слушают? Ты что, на стул забираешься?

ВЕРА. Не забираюсь.

ВАНЯ. И тебя они слушают?

ВЕРА. Слушают (*и чуть позже*) И не слушают.

ВАНЯ. Ну-ну.

ВЕРА. Не веришь?

ВАНЯ. Да мне всё равно.

ВЕРА. И меня ученики любят!

ВАНЯ. Тебя? За что же?

ВЕРА. Любят, и слушают.

ВАНЯ. Да ну! Чего тебя слушать?

Вера задумалась. И вдруг стала читать стихотворение — одухотворенно, с чувством, выразительно, меняясь в лице.

ВЕРА. И ветер, и дождик, и мгла над холодной пустыней воды. Здесь жизнь до весны умерла, до весны опустели сады. Я на даче один. Мне темно за мольбертом, и дует в окно (*Ваня сначала невнимательно слушает, а потом с удивлением смотрит на неё*). Вчера ты была у меня, но тебе уж тоскливо со мной. Под вечер ненастного дня ты мне стала казаться женой... Что ж, прощай! Как-нибудь до весны проживу и один — без жены... Сегодня идут без конца те же тучи — гряды за грядами. Твой след под дождём у крыльца расплылся, налился водой. И мне больно глядеть одному в предвечернюю серую тьму. Мне крикнуть хотелось вослед: «Воротись, я сроднился с тобой!» Но для женщины прошлого нет: разлюбила — и стал ей чужой. Что ж! Камин затоплю, буду пить... Хорошо бы собаку купить.

ВАНЯ. Сама сочинила, что ли?

ВЕРА. Сама... Это Бунин, как ты Иван.

ВАНЯ. А я думал ты.

ВЕРА. Мой папка их любил. Эти стихи. Он художником был — оформителем. В театре работал — декорации рисовал.

ВАНЯ. Давно вы...

ВЕРА. Давно. Мне лет десять было. Потом мама ещё раз замуж вышла за одного артиста. А потом его выгнала.

ВАНЯ. Чего так?

ВЕРА. Пил он. Папка пил, но мирно. А этот - буйно. Выгнала.

ВАНЯ. Понятно.

ВЕРА. А потом дядя Женя у неё был.

ВАНЯ. Этот тоже пил?

ВЕРА. Нет, у него другая, ну, основная семья была, а к нам он пару раз в неделю приходил.

ВАНЯ. А потом чего — перестал?

ВЕРА. Перестал. Я маму не спрашивала.

ВАНЯ. А сейчас чего, никакого дяди у вас нет?

ВЕРА. Нет. А папку я любила. Он весёлый был. А мама моя его не любила.

ВАНЯ. Чего ты решила?

ВЕРА. Не любила. Он её любил, а она - нет. Он вообще был самый умный, сказки рассказывал, стихи знал, в театр меня водил. Я от него театр полюбила. Часто туда хожу. В театре, знаешь, переносишься в другой мир, там можно помечтать, что-то себе выдумать, куда-то улететь.

ВАНЯ. Прямо так и улететь!?

ВЕРА. Да, приходишь ты туда со своими мыслями. А на сцене - другой мир. И ты окунаешься в этот мир — живёшь в нём, погружаешься в него и как куда-то, не знаю куда, переносишься, перерождаешься. Я, как есть деньги и время, сразу иду в театр. А ты любишь театр? А?

ВАНЯ. Не знаю. Был я тут недавно, года три назад, в театре.

ВЕРА. И что?

ВАНЯ. И ничего. Не понравилось. Целый час два балбеса по сцене ходили и какого-то Гада искали. А потом я ушёл.

ВЕРА. Не Гада, а Годо. Это же Беккет.

ВАНЯ. Не знаю я этого Брекета-Пекетта, но я за два билета большие деньги отдал, только зря потратил.

ВЕРА. Это же известная пьеса. Её нобелевский лауреат написал.

ВАНЯ. Видал я и получше. Лучше бы в кино сходили бы.

ВЕРА. А ты с кем в театр ходил?

ВАНЯ. С подругой.

ВЕРА. А у тебя подруга есть?

ВАНЯ. Ну.

ВЕРА. Ясно (*грустно*).

ВАНЯ. Была.

ВЕРА. Была?! (*Веселее.*)

ВАНЯ. Ушла. Замуж вышла.

ВЕРА. Да?

ВАНЯ. Да. Только деньги на неё зря тратил.

ВЕРА. Вот как!?

ВАНЯ. В кино водил, два платья ей купил, в Петербург её возил — а она ушла. Вот связывайся потом. Лучше бы не связывался бы с вами.

ВЕРА. А кино любишь?

ВАНЯ. Бывает. «Американский пирог» знаешь?

ВЕРА. Это тупая такая комедия?

ВАНЯ. Мне нравится. Весело.

Звонит телефон у Вани.

ВЕРА. Телефон. У тебя!

Ваня достаёт телефон и отвечает на звонок.

ВАНЯ. Да, Олег. Да, жду. Ничего. Ладно. Едешь уже. Хорошо.

Слышится поднимающийся лифт.

ВЕРА. Это твой друг?

ВАНЯ. Да, едет, с ключами едет... упырь этот.

ВЕРА. А почему упырь?

ВАНЯ. Платит мало.

ВЕРА. Это плохо.

ВАНЯ. Я и говорю — упырь.

Открываются двери лифта и выходит Димыч. У Димыча в руках пакет. Он удивлён Вере.

ДИМЫЧ. А ты тут, Вер! А я тебя пропустил! Как это ты тут!? Компанию составляешь? На вот, Вань, это тут я подумал. Жена дала. Пирог. Я тут худеть буду. А ты ешь.

Димыч даёт пакет Ване.

ВЕРА. Димыч, а ты двери можешь взламывать?

ДИМЫЧ. А что, надо?

ВЕРА. Надо.

ДИМЫЧ. Это ж, какую тебе дверь надо?

ВЕРА. Мою.

ВАНЯ. Она у неё закрылась.

ДИМЫЧ. Опять!?

ВАНЯ. А у неё что, часто такое?

ДИМЫЧ. Так тут на балконе она застряла. Ну, с пару месяцев назад. Пришлось лезть за ней.

ВАНЯ. А что ты на балконе делала?

ДИМЫЧ. За голубями она наблюдала. Стихи о весне сочиняла.

ВАНЯ. Во даёт!

ДИМЫЧ. А ты, Верка, прочти. Ты ж умеешь.

ВЕРА. Да ну вас.

ДИМЫЧ. Ну не хочешь... А то бы Ванька бы послушал...

Вера молчит, а потом начинает с чувством читать своё стихотворение, отстраненно смотря вдаль и ничего не замечая.

ВЕРА. Это весна, всё ненужное отменяя рукой, просто пришла, я всегда представляла её такой: ей не важно, хороши ли мои дела, долго ли я спала... Или всю ночь буквы слагала в слова... Ей важно, что я жива! Она мне волосы отрастит и потреплет их на ветру. Она не грустит, а я ей не вру. Мы не виделись ровно год, а она не меняется: руку на сердце кладёт и начинается...

ДИМЫЧ. Во, слушай. Во даёт девка! Видал!? (Ване). Ну, Верка, загнуёшь же ты! А ты ешь, Вань.

ВАНЯ. Цветаева... (со знанием дела).

ВЕРА. Дурак.

ДИМЫЧ. Это, Вань, она сама пишет. Может девка!

ВЕРА. Димыч, выбей мне дверь или взломай.

ДИМЫЧ. Ну, дела! А мать чего, подождать не хочешь?

ВЕРА. Скажет глупая я. А я не хочу, чтобы она так говорила.

ДИМЫЧ. А дверь выбью, что скажешь ей?

ВАНЯ. Не выбьете!

ДИМЫЧ. Я-то не выбью! Я в десанте служил. Ну-ка держи (снимает пиджак и даёт Вере).

ВАНЯ. Не выбьете. Ну, слушайте...

ДИМЫЧ. Выбью, малец! Учись!

ВАНЯ. Говорю вам!

ДИМЫЧ. Знай наших!

ВАНЯ. Да послушайте!

Димыч разбегается и врывается в дверь. Ошарашенный и с болью, он сникает на пол.

ВАНЯ. У неё штыри там в двери. Я уже выбивал.

ДИМЫЧ. Вот... Вот... Я бы тебе сказал, Верка... Пороть тебя надо. Вот, всем тебя пороть... Это ж надо. Ну и денёк!

Димыч поднимается. И нажимает на вызов лифта.

ВЕРА. Димыч... Прости...

ДИМЫЧ. Да ну тебя... Вот связывайся с тобой.

ВЕРА. Димыч...

Димыч отмахивается от Веры.

ДИМЫЧ. Это святой человек, Верка, кто тебя такую непутевую, это... замуж возьмёт.

ВЕРА. Я не нарочно.

ДИМЫЧ. Надо пойти, это... ну, принять от стресса такого.

Приходит лифт, Димыч уезжает. Ваня ест пирожок и предлагает его Вере.

ВАНЯ. Хочешь?

ВЕРА. Я же не подумала.

ВАНЯ. Он убиться тут мог.

ВЕРА. Всегда так.

ВАНЯ. Бери.

ВЕРА. Не хочу.

ВАНЯ. Мне больше достанется. Вкусные.

ВЕРА. А ты один живёшь?

ВАНЯ. Комнату тут снимаю с приятелями.

ВЕРА. А ты откуда?

ВАНЯ. Из Смоленска.

ВЕРА. А давно ты тут?

ВАНЯ. Как училище закончил, там пару лет в Смоленске, на заводе, работал. А потом деньги нужны стали — сюда приехал.

ВЕРА. Деньги?

ВАНЯ. Ну да. У меня же там мать, сестренки.

ВЕРА. У тебя сестренки есть? Маленькие?

ВАНЯ. Уже не маленькие — одной - четырнадцать, другой - двенадцать. Уже большие. А там им всякие курточки, колготочки, тетрабочки... Да ещё училки... то есть учительницы всякие им назадают всего — бегай им покупай.

ВЕРА. А родители?

ВАНЯ. Мама у меня одна. А отец в охране работал. Застрелили.

ВЕРА. Застрелили!?

ВАНЯ. Ну, охранял там что-то — его и убили. Налёт был. Давно уже.

ВЕРА. Надо же. И вы одни остались?

ВАНЯ. Да, а чего? Он тут в Москве всё время был — нам только деньги слал. Мы его толком и не видали. Особо не горевали.

ВЕРА. Да? Странно.

ВАНЯ. Да, мама сказала мне потом, что у него тут семья была, женщина какая-то...

ВЕРА. Бывает.

Затемнение.

СЕДЬМАЯ ЧАСТЬ

Видно, что Ваня и Вера уже давно сидят и ждут. Они переменили свои позы.

ВЕРА. А комнату ты отсюда далеко снимаешь?

ВАНЯ. Да, далеко. В области. Там дешевле. А что?

ВЕРА. Да так. Просто спросила.

ВАНЯ. А мама чем у тебя занимается?

ВЕРА. Администратор в театре.

ВАНЯ. Билеты продаёт?

ВЕРА. Ну, что-то вроде.

ВАНЯ. Ты бесплатно ходишь?

ВЕРА. Да нет, она в кукольном. Я уже из этого возраста вышла.

ВАНЯ. Школьников своих?

ВЕРА. Да ну их.

ВАНЯ. Доводят? Ты же говорила, что они тебя любят.

ВЕРА. Они-то — любят. Больше учителя.

ВАНЯ. Что, обижают?

ВЕРА. Да есть там две мымры.

ВАНЯ. Тётки?

ВЕРА. Тётки. Знаешь, сегодня после уроков говорит мне завучиха, что всё я срываю всегда, что учителя на меня жалуются и всё такое. А я спрашиваю её, какие такие учителя? Не называет. Выжить меня хочет.

ВАНЯ. Чего так?

ВЕРА. Откуда я знаю. Может, на примете у неё кто есть. Скоро лето, может, уже к следующему учебному году выгонит меня. Говорит, что и родители жалуются, что не по программе даю уроки, а детям, видишь ли, экзамены сдавать. А что вырастет из детей, никому не интересно! Я же хочу, чтобы они к прекрасному прикоснулись, почувствовали всю красоту нашу, нашей литературы... Я стараюсь, А они! И мама мне говорит: зачем ты так, работай и работай — далеко на своих мечтах ты не уедешь.

ВАНЯ. А тебе нравится?

ВЕРА. Что?

ВАНЯ. В школе там, учить.

ВЕРА. Да не то, что нравится... Знаешь, я всегда мечтала быть учительницей и рассказывать детям что-то интересное, смотреть, как у них глазки загораются.

ВАНЯ. И что, загораются? Не верю.

ВЕРА. А ты приходи ко мне на урок. Увидишь. Я им стихи читаю, я им про спектакли рассказываю. Знаешь, как интересно бывает!

ВАНЯ. Нужны им твои стихи. Я вон несколько месяцев назад одну квартиру отремонтировал — не то, что стихи, а роман целый сваял. А хозяйка потом мне говорит: не то, не сё — переделывай. Не нужна никому отсебятина — что надо, то и делай, и завучиха от тебя того же хочет.

ВЕРА. А я не хочу по-другому.

ВАНЯ. Да всё равно будешь. Со временем. Я вон хотел рисовать, лепкой заниматься.

ВЕРА. Рисовать!?

ВАНЯ. Да, в школу искусств ходил — там у нас. Мне лепить нравилось. Берёшь кусок глины и месить его, мнёшь, жмёшь. А потом раз, два - и вдруг чудо — как что-то получается. Так интересно было.

ВЕРА. А чего дальше не пошёл?

ВАНЯ. Да куда уж. Отца прибили. Мать одна на заводе. Да ещё сестренки маленькие — надо работать было идти.

ВЕРА. Жалко.

ВАНЯ. Да уж. Да ладно, чего там.

ВЕРА. А может, ещё не поздно?

Ваня машет рукой. Некоторое время они сидят молча.

ВАНЯ. А хочешь, я тебе стих прочитаю.

ВЕРА. Конечно.

ВАНЯ. Сейчас, подожди, вспомню. Ты только не перебивай.

ВЕРА. Хорошо.

Ваня начинает наигранно, театрально читать известное стихотворение Есенина.

ВАНЯ. Не жалею, не зову, не плачу, всё пройдёт, как с белых яблонь дым. Увяданья золотом охваченный я не буду больше молодым. Ты теперь не так уж будешь биться, сердце, тронутое холодком, и страна берёзового ситца не заманит шляться босиком... Позабыл... сейчас... Я теперь скупее стал в желаньях, жизнь моя, иль ты приснилась мне? Словно я весенней гулкой ранью проскакал на розовом коне. Все мы, все мы в этом мире тленны, тихо льётся с клёнов листьев медь... Будь же ты вовек благословенно, что пришло процветь и умереть. Как тебе?

ВЕРА. Грустно. Это Есенин.

ВАНЯ. Да, мама моя любит. Я для неё как-то выучил, видишь!

ВЕРА. Ты молодец.

ВАНЯ. А ты чего одна живёшь? Квартира есть. У тебя вообще есть кто?

ВЕРА. Вообще нескромно такие вопросы задавать. Вот так.

ВАНЯ. Да ладно. Я просто. Так, по-дружески.

ВЕРА. Нет у меня никого.

ВАНЯ. А чего так? Вроде не кривая.

ВЕРА. Не кривая.

ВАНЯ. Не больная.

ВЕРА. И не больная. Не хочу просто.

ВАНЯ. Чего не хочешь?

ВЕРА. С каждым всяким.

ВАНЯ. Найди не всякого.

ВЕРА. Где их найдёшь? Все вон какие-то непонятные, себе на уме.

ВАНЯ. А ты чего особенная, что ли?

ВЕРА. Не особенная. Просто хочу чего-то такого, понимаешь, искреннего, тёплого, воздушного, чтобы было как-то иначе, чем у мамы, у остальных. Хочу чуда.

ВАНЯ. Да, чудес-то не бывает...

Молчание. Потом Вера смотрит на Ваню и говорит.

ВЕРА. Ты какой-то такой домашний. С тобой как-то просто.

ВАНЯ. Какой есть.

ВЕРА. Тебе и рассказать по душам всё можно.

ВАНЯ. Ну да. Я слушаю, бывает.

ВЕРА. Я сегодня после уроков подумала: и почему мне не везёт? Вот пусть хоть что-то произойдёт хорошее. Посмотрела на небо, как помолилась, а прихожу - ты тут.

ВАНЯ. Я тут — это плохо.

Приезжает лифт, открываются двери. Выходит Димыч.

ВЕРА. Ничего ты не понимаешь.

ВАНЯ. Да уж.

ВЕРА. Димыч, как ты? Ты не обиделся? Я не нарочно.

В дальнем углу появляется соседка. Её никто не видит.

ДИМЫЧ. Да ладно тебе. Не в первый раз... Пройдёт. Принял я, а закусить-то нечем... Вань, дай пирожок, а то что-то не на месте...

ВЕРА. Димыч!

ДИМЫЧ. Я вообще-то не пью. Это так, иногда. А теперь вот не знаю. Домой пойду, так жена учует. Вот дела!

Ваня протягивает пирожок. Но Димыч не успевает его взять.

СОСЕДКА. Что происходит!? И это в нашем-то доме! Содом и Гоморра! Вертеп! Это же только посмотрите на это! Едят, пьют, курят, наркотой колются! Я так и знала, что этим кончится! И ты тут, Димыч. Что?! Пил!

Ваня и Вера от неожиданности ничего не могут сказать.

ДИМЫЧ. Я это... Я так...

СОСЕДКА. Алкоголик! Дожили! Кучкуются тут! Глаз да глаз! Бандиты! И ты тут! *(Вере)* А ты проститутка! И мать твоя проститутка! Водила тут мужиков! А отец у тебя алкоголиком был. Мне-то не знать! Я страдала ночами - с кровати падал. Каждый раз милицию вызывала. И дочь туда же! Ты посмотри... Устроила тут... И стар, и млад собрала! Закуску ему подавай. Стариков спаивает.

ВЕРА. Вы злая! Вы нехорошая!

СОСЕДКА. Всё я знаю. Притон устроила!

ВЕРА. Никого я не собирала!

СОСЕДКА. Ну, давай... Вся в мать, в шалаву свою.

ВЕРА. Какая же вы...

СОСЕДКА. Что!? Это ты мне! Я... Я старшая по подъезду...

ДИМЫЧ. Ну, тут это. Двери у них позакрывались. Ну, бывает же.

ВЕРА. Какая же вы противная, какая же вы жестокая... Зачем вы к нам пристаёте, что мы вам сделали?!

СОСЕДКА. Ты смотри! Мать водила тут хахалей - так теперь и дочка... А я вот на тебя Ванёк смотрела и сразу поняла, что тут не чисто...

ВЕРА. Дура вы! Дура вы! Дура вы!

ДИМЫЧ. Вера, ну что ты. Да у них двери тут позакрывались. Вот и сидят.

СОСЕДКА. Молчи! Проститутка! Потаскуха! Девка уличная!

Ваня встаёт. Видно, что он злой.

ВЕРА. Злая вы!

ВАНЯ. Слышите! Замолчите!

СОСЕДКА. Ты смотри!

ВАНЯ. Замолкни старая козявка!

СОСЕДКА. Что?!

ДИМЫЧ. Ваня, ну... что ты...

ВЕРА. Ваня!

ВАНЯ. Она, слышишь, хорошая! Не трогай её!

СОСЕДКА. Ты что!? Ты мне! Про эту малолетнюю шалаву.

ВАНЯ. Она красивая, поняла!? Она добрая, слышала!?

ДИМЫЧ. Ну что вы тут...

СОСЕДКА. Заговорил тут! Добрая? Девка она! Шалава она! *(Ване)* А ты пей меньше, старпёр! *(Димычу)*.

ВЕРА. Злая вы женщина!

Вера плачет.

ВАНЯ. Вера, не плачь, Слышишь!

СОСЕДКА. Ой, ой, ой... Ванёк-перепенёк!

ДИМЫЧ. Ну что вы, ей богу, к ним прицепились.

СОСЕДКА. Я прицепилась! Да ты вообще заглохни! Старпёр, инвалид недоделанный!

ВАНЯ. Не плачь! Не стоит она!

СОСЕДКА. Голубки...

ВАНЯ. Замолчите!

СОСЕДКА. Ой, ой, ой... Вызову сейчас...

ВАНЯ. Никого вы не вызовите! Вы злая, противная женщина! Вам место в сумасшедшем доме! И не буду я вам делать никакого ремонта! Слышите, подавитесь!

СОСЕДКА. Ой, заговорил... А паспорт! Я не верну твой паспорт.

ДИМЫЧ. Ну что вы... Ну не надо...

ВАНЯ. И подавись ты своим паспортом. Вызывай свою полицию. Её не трогай, Слышишь?! Слово скажешь – прибью!

СОСЕДКА. Что и паспорт не нужен!? А!?

ВАНЯ. Не нужен. Подавись!

СОСЕДКА. Ой, как за эту малолетнюю шлюшку...

Ваня подсакивает к соседке и хватает её за грудки.

ВАНЯ. Не трогай её, поняла!? Слышишь! Не трогай!

СОСЕДКА. Отпусти! Ну, отпусти!

ВЕРА. Ваня! Не надо!

ВАНЯ. Дура ты старая! Не смей её трогать! Слышишь!?

Димыч разнимает соседку и Ваню.

ДИМЫЧ. Не надо, не надо...

ВАНЯ. Убью дуру! Поняла!?

СОСЕДКА. Всё! Терпение лопнуло. Я иду в полицию. Пусть они там разбираются...

ВАНЯ. Иди!

Соседка собирается уйти. Димыч перегораживает путь.

СОСЕДКА. Ты чего, старый пень. Ты чего тут мне, а!

ДИМЫЧ. Стоять! *(Громким командирским голосам командует соседке).*

СОСЕДКА. Ты чего!

ВЕРА. Димыч.

ДИМЫЧ. Стоять! Я сказал! *(Соседке).*

СОСЕДКА. Ой... Напился тут... Ты не буянь!

ДИМЫЧ. Значит, так! Слышишь!?

СОСЕДКА. Да ты чего, одурел, старый пень!

Димыч берёт соседку и поднимает её в воздух двумя руками, а потом опускает. Соседка в одурении.

ДИМЫЧ. Поняла!? Я! Я... Я десантник! Достала уже, слышишь!? Чтобы я такой дуре подчинялся! Для того я Кокари-Шаршари в Афгане штурмовал, чтобы такой б... бабе подчиняться!? Сколько ты мне нервов потрепала! Я-то ладно... терпел...

СОСЕДКА. Да что ты... Во буян! Какой Шаршари?

ДИМЫЧ. Терпел... Думал, что с говном связываться...

СОСЕДКА. Ты чего... Это я, что ли?

ДИМЫЧ. Верку-то не трогай!

СОСЕДКА. Пить надо меньше, дурак! Козёл старый!

ДИМЫЧ. Она-то не такая, как ты, - проשמандовка! Она-то чистая, слышишь!? Что ты её всё цепляешь-то, а!? Жить-то что ей не даёшь? Всем проходу не даешь, а?

СОСЕДКА. Да,пусти... Ты что?

Димыч опять берёт соседку и поднимает её, а потом ставит на место.

ДИМЫЧ. Слушай, так!

СОСЕДКА. Да засажу тебя...

ДИМЫЧ. Слушай, так, говорю! Внимательно!

СОСЕДКА. Сядешь у меня! Все сядете!

ДИМЫЧ. Комнату ты сдаёшь - это раз! Налогов не платишь - это два! Поняла!?

СОСЕДКА. Да что ты. Откуда взял-то? Бандит!

ДИМЫЧ. Комнату втихую парнишке здаёшь!? Что молчишь!? Как в концлагере его держишь! Скрываешь! Сдаёшь!?

СОСЕДКА. Ну... Ну, сдаю.

ДИМЫЧ. Значит, у станции у торговок картошку с морковкой просто так берёшь! Не платишь! Говоришь, что ты из управы! Внаглую у них берёшь, а!

СОСЕДКА. Да что ты прицепился, пусти. Сами они мне дают - дарят.

ДИМЫЧ. А то, что это мошенничество, и заявления на тебя напишут... А, воровка! Это три!

СОСЕДКА. Да что ты. Пусти!

ДИМЫЧ. Марье Сергеевне всем домом на похороны собирали... Сколько собрали! А сколько ты ей отдала? Это четыре!

СОСЕДКА. Сколько дали, столько и отдала.

ДИМЫЧ. А Атончик твой? Это вишенка. Это пять!

СОСЕДКА. Да ты чего тут!

ДИМЫЧ. Посиделки твои, думаешь не знаю. С винишком, а! И чего вы там с ним вытворяете, думаешь, не знаю!

СОСЕДКА. Дурень, что ты при всех...

ДИМЫЧ. А! Не ты одна тетрадошки ведёшь! А! Свидетели есть, и видеозаписи есть...

СОСЕДКА. Бесовское это всё. Бес в тебя вселился.

ДИМЫЧ. А вот я в твоём этом самом приходе покажу, как в тебя бес вселился! Как ты тут с Антончиком в прятки играла в голем виде!

ВЕРА. Что!? В каком!?

ВАНЯ. Голом.

ДИМЫЧ. А! Усекла!? Поняла!?

СОСЕДКА. Да нет у тебя ничего!

ДИМЫЧ. Показать!? Я десантник, поняла!? Что есть, то и говорю.

СОСЕДКА. Вранье всё!

ДИМЫЧ. Ну, ну... Посмотрят люди, вот и скажут, как ты тут шелупонила по коридорам, а Антончик за тобой гонялся.

СОСЕДКА. Димыч, ну что ты, мы же друзья с тобой.

ДИМЫЧ. Паспорт Ване отдала!

СОСЕДКА. Какой паспорт, Ванечка? Я же как лучше хотела. Я же добрая.

ВАНЯ. Отдайте паспорт!

Соседка начинает рыться.

СОСЕДКА. Сейчас, сейчас. Слушай, Ванечка. Димыч! Я же пошутила! Ну что вы.

ДИМЫЧ. Слушай, так! Чтобы ни слышно тебя не было, ни видно больше! А куда жаловаться пойдёшь...

СОСЕДКА. Ну, куда жаловаться, куда жаловаться... Я же поняла. Я же так...

ДИМЫЧ. Всё покажу! В лучшем качестве! У меня там всё сохранено, как ты тут бегала по коридорам, поняла!?

СОСЕДКА. Поняла, поняла. *(Чуть не плача).*

ДИМЫЧ. Вот так! А шестое - это никто тебя тут старшей не назначал! Поняла!? И никакая ты не советник управы... и должности такой нет.

ВАНЯ. Ну дела...

СОСЕДКА. Поняла, поняла.

ДИМЫЧ. Вот так!

СОСЕДКА. И девчонка хорошая. А зачем всякую ерунду говорить. Ну, сидите тут - и сидите. С кем не бывает. Я что, против? А зачем всякое говорить.

ВАНЯ. Паспорт отдайте.

СОСЕДКА. А я же не против. Ну, я же как лучше хочу. Я же хорошая. Я же честная. А зачем говорить кому-то. Давай, Ванечка, Димыч миленький. Давай, ты никому, и я никому, договорились? Не любите вы меня... Не любите. Все меня бросили. Всё у меня болит. А я, может, любить хочу... Не знаете вы, как это... одной вот всю жизнь... А вы меня не любите... А Антошику-то только выпить и надо. А вот так вот... по-хорошему... никому и не надо... не нужна я никому... *(чуть не плачет).*

ДИМЫЧ. Ты что? Паспорт!

СОСЕДКА. Одна-одинешенька, ну выпьешь немного... На моём бы месте побывали бы... Злые вы... Какие вы злые! Вот такие вы злые! Ладненько, всё вам зачтётся. Ладненько, не скажите же никому. Я же хорошая. Вы никому не говорите... Не скажете же?

ДИМЫЧ. Паспорт отдавай! Хватит тебе!

Соседка протягивает Ване его паспорт.

ВАНЯ. И Веру не трогайте. Никогда!

СОСЕДКА. Да что ты...

ВАНЯ. И перед ней извинитесь.

ДИМЫЧ. Извинись!

СОСЕДКА. Так я шутя, ну шутя же... Ну, Ванечка, Верочка. Я же любя. Я же добрая. Ой, ну что так серьёзно всё принимать. Я же вас люблю. Ой, ну простите меня. Ладно, я же такая бедная, несчастная.

ВАНЯ. И ремонтировать я ничего не буду вам!

ДИМЫЧ. Поняла!? Чтобы не приставала ни к кому, поняла!?

СОСЕДКА. Ой, вспомнили... Да мне и так хорошо. Все меня бросили. Да я же шутя, я же просто так. А вы тут сидите, сидите. Я же за молодежь. А вы тут сидите. Я же не против. Ты же не скажешь никому.

ВАНЯ. Шли бы вы...

ДИМЫЧ. Гуляй!

Димыч пропускает соседку. Она быстро убегает.

СОСЕДКА. Я вам! Я вам! Изверги! Выродки! Я Вам! Вот я вам! Бедную женщину оскорбили, унизили! Да я напишу пойду! Да я в полицию!

ДИМЫЧ. Катись!

ВЕРА. Димыч! Ванька! Какой ты смелый, Ванька! Ну, ты даёшь!

ВАНЯ. Как вы её!

ДИМЫЧ. Это что... Вот в Кундузе, в 87-м, вот это да! Мы тогда, вот это не то... Сейчас то, что... Глупая она. А вот я вам скажу, маджахедов когда мы давили, это вам не игрушки, были же времена! Тогда пуля мне каску пробила. Врач-то сказал: ещё бы немного - и всё. Вот были дела! Воевали... А сейчас только и помнишь... Ну ладно.

ВЕРА. Димыч! Вы замечательный, Димыч!

ДИМЫЧ. Да я это, ну это... Давно бы её шугануть надо. Ну, всё думал, да зачем? Ну, потерплю. Рохлей я стал тут. Рядом с домом, ну что связываться? Жена будет ругаться... Да ладно, расскажу ей - будет ругаться. Ну ладно...

Димыч вызывает лифт и уезжает.

ДИМЫЧ. Ладно, чего уж там... Теперь проблем будет... А вас она не тронет больше! Побойтся она. Трусливая она, поняли!?

Затемнение.

ВОСЬМАЯ ЧАСТЬ

Ваня и Вера остаются одни.

ВЕРА. Почему так много злых людей?

ВАНЯ. Много.

ВЕРА. И что мы ей сделали.

ВАНЯ. Она тебя больше не тронет.

ВЕРА. Думаешь!?

ВАНЯ. Не тронет!

ВЕРА. Здорово ты её. Она так нас мучила. Каждый раз. Постоянно. Ты такой молодец!

ВАНЯ. Бывает.

Молчание. Вера в своих мыслях.

ВАНЯ. У меня ещё пирожок остался. Хочешь?

Вера его не слышит.

ВЕРА. Странно.

ВАНЯ. Что странного?

ВЕРА. Да так.

ВАНЯ. А ты хорошая. Даже пусть и чокнутая немного.

ВЕРА. Почему? Почему хорошая и почему чокнутая?

ВАНЯ. Ну, это я так... любя.

ВЕРА. Любя...

ВАНЯ. Стихи читаешь, сочиняешь. И как так люди вот что-то придумывают. Я тебе, знаешь...

ВЕРА. Что?

ВАНЯ. Завидую. Чуть-чуть.

ВЕРА. Почему?

ВАНЯ. Что ты такая... такая, не как все. Ты это... прочти что-нибудь.

ВЕРА. А что?

ВАНЯ. Не знаю.

ВЕРА. Слушай. Я в этом мире, а не в том. Я в этом мире, а не в том. Когда-нибудь я буду в том. Когда-нибудь потом. Когда-нибудь, совсем потом, когда-нибудь, вообще потом, и я не думаю о том, когда придёт «потом». Возможно, через много лет. Да, точно! Через много лет! Но не сегодня. Точно нет. И завтра — тоже нет.

Ваня прерывает её чтение.

ВАНЯ. Это что-то грустное.

ВЕРА. Не хочешь слушать дальше? Не интересно?

ВАНЯ. Да как-то уж не весело.

ВЕРА. А вот это. Мне нравится. Слушай. И лишь зимой заметишь, что кора деревьев напоминает свитера ирландские, с витиеватой вязью, что да и нет, сегодня и вчера, - до той черты, где звуки топора, - лишь петли, что ведут к многообразью аранов, кос и прочего добра. Лишь чья-то бесконечная игра, влекущая своей взаимосвязью.

ВАНЯ. Это ты сама придумала.

ВЕРА. Нет, Пушкин.

ВАНЯ. Правда?

ВЕРА. Сама. Не нравится?

ВАНЯ. Последнее, не понял, о чём.

ВЕРА. А ты потом поймёшь. Знаешь, вот в этой квартире, в 204-й, когда я была маленькой, ещё до школы, там соседи жили — тетя Катя, дядя Женя, и Лёшка, одноклассник. Мои родители всё в театре были, допоздна. И вечерами я вот так, в этой

квартире бывала. Мы там строили с Лёшкой такие замки. Знаешь, залезали под стол, накрывали стол одеялом, подушками, притаскивали стулья. Брали фонарики и сидели там. Там был наш замок. Это был наш мир. Крошечный, но наш. И представляешь, никто нас не ругал. Может, я поэтому такой и стала.

ВАНЯ. Какой стала?

ВЕРА. Странной.

ВАНЯ. Ты хорошая.

ВЕРА. Я бы и сейчас забралась бы под стол, накрылась бы одеялом. И чтобы это было только моё... мой мир, только для меня... ну...

ВАНЯ. Что?

ВЕРА. И для тебя.

ВАНЯ. А куда потом твой Лёша делся?

ВЕРА. Переехали. Папка мой потом умер. А мама...

Вера задумалась.

ВАНЯ. А ты про весну читала...

ВЕРА. Хочешь ещё?

ВАНЯ. А есть?

ВЕРА. Да. Вот... Здравствуй, весенняя птица! С ветки на ветку, туда и сюда. Что-то ещё повторится, что-то уже никогда-никогда. Так и останутся где-то ворох листков, лепестки на траве, очень холодное лето и бесконечность в моей голове. Звон колокольный раздался, и на мгновение, в простор голубой парк от земли оторвался вместе со мною и вместе с тобой...

ВАНЯ. А как это парк от земли оторвался?

ВЕРА. Это метафора.

ВАНЯ. Что?

Вера смотрит на дверь. Вдруг встаёт.

ВЕРА. Ваня, а у тебя же есть телефон?

ВАНЯ. Ну да. Вот он.

ВЕРА. Дай мне на минутку. Там же есть Интернет?

ВАНЯ. Да, есть. Что ты хочешь? (*Вера берёт телефон и начинает в нём что-то искать*). Чего ты ищешь?

ВЕРА. Музыка ищу, чудесную музыку. Ты любишь музыку?

ВАНЯ. Да так. Не очень.

ВЕРА. Сейчас, подожди. Найду.

Вера ищет в телефоне и, наконец, что-то находит. Начинает звучать музыка.

Звучит мелодия «Do you remember» Раймонда Паулса из альбома «White melodies».

Вера встаёт перед сидящим Ваней и начинает танцевать под музыку. Берёт валяющуюся плёнку на полу и кружится под музыку вместе с пленкой. Ваня

озадаченно смотрит на неё и не понимает, что происходит. Видно, что Ваня поражён. Ваня встаёт. Вера же в танце как-то преобразается.

Когда мелодия близится к концу, Вера подходит, танцуя, к Ване и накрывает его плёнкой вместе с собой, и видно, что она его обняла и поцеловала.

Свет гаснет.

ДЕВЯТАЯ ЧАСТЬ

Ваня и Вера стоят рядом. Плёнка валяется рядом с ними. Ваня обескуражен. Вера заметно стесняется своего поступка.

ВАНЯ. Зачем ты это сделала?

ВЕРА. Тебе не понравилось, как я танцую?

ВАНЯ. Да нет. Зачем ты меня накрыла, и ...

ВЕРА. Просто так получилось. Мне захотелось чуда.

ВАНЯ. Чуда! Ты меня поцеловала. И зачем?

ВЕРА. Просто...

ВАНЯ. Странная ты. Вот сиди тут с тобой и...

ВЕРА. А ты говоришь, почему я одна? Потому...

ВАНЯ. Не знаю я. Говоришь загадками.

ВЕРА. Бывает, я выключаю свет, включаю такую музыку, как эта, и очень хочу, чтобы произошло что-то красивое, чудное, прекрасное, чтобы мне, к примеру, приснился кто-то очень красивый, добрый, кто бы меня понимал, ну, принц, что ли, и чтобы он забрал меня в какую-то сказочную, небывалую страну, и мы с ним полетели, понеслись туда — далеко-далеко... У тебя так не бывает?

ВАНЯ. Не бывает... А чего тебе здесь не нравится? Квартира есть — живи себе... Работа есть...

ВЕРА. И ты закрываешь глаза и мечтаешь, что отворится окно и войдет он — весь такой красивый-красивый и закружит тебя в танце, и в этом танце унесёт тебя далеко-далеко...

ВАНЯ. Музыка красивая.

ВЕРА. Тебе нравится?

ВАНЯ. Да так. Просто меня никогда вот так не укрывали плёнкой и не прижимались ко мне.

ВЕРА. Прости.

ВАНЯ. Да ничего. Бывает.

Вера смотрит в сторону. Потом говорит быстро.

ВЕРА. Знаешь, я его любила очень сильно. Мне казалось, что по-другому и быть не может. Я тогда на старших курсах училась в институте. Он писал красивые стихи и песни писал. Он артист, понимаешь, был... В театре играл. Не в центральном - на окраине. Я смотрела на него и вся робела, и сказать ничего не могла. Он был старше меня. А потом как-то, я не знаю, как так получилось, но мы ехали с ним на одной электричке... Я на дачу ехала. И мы шли, шли по дороге, и я нечаянно споткнулась... Он подбежал... Он смотрел на меня, а я чуть ли не тряслась. Мы стали встречаться. Я его любила, так сильно, как никогда. Мне казалось, что это чудо, что вот он мой принц, который меня закружит в танце и унесёт куда-то вдаль. Я жила, как птица, тогда, порхала по городу и ничего не замечала... А потом появилась она - и всё оказалось как у всех. А принцы — они только у меня во снах... во снах... А потом я вообще никого видеть не могла. Вы все мне казались предателями, трусами, уродами... *(Плачет)*. Почему так!?

Ваня гладит Веру по голове, по щекам, вытирает слёзы.

ВАНЯ. Ты, как мои сестрёнки, заплачут - и утешай их. Да чего ты? Был он — будет лучше. Другие будут. Успокойся. Вон, мама придёт твоя скоро, мой упырь придёт — а мы тут.

ВЕРА. А я не хочу.

ВАНЯ. Чего не хочешь?

ВЕРА. Не хочу, чтобы они все приходили. Не хочу.

ВАНЯ. Да ладно тебе. Ну, бросил тебя. Мало ли. Тебе лет-то чуть-чуть. Найдёшь ты своего принца. Будет всё у тебя хорошо.

ВЕРА. А вдруг не найду.

ВАНЯ. А ты не ищи. Они сами к тебе придут.

ВЕРА. Как ты пришёл?

ВАНЯ. Ну, типа того. Как я. Я тоже, может, принц, но не голубых там кровей.

ВЕРА. А каких? Каких кровей?

ВАНЯ. Ну, наших, смоленских кровей. Тоже город неплохой, и люди у нас хорошие.

ВЕРА. А я там не была, у вас в Смоленске.

ВАНЯ. Я тебя свожу. Там красиво.

ВЕРА. Свозишь?

ВАНЯ. Сядем на поезд и поедем.

ВЕРА. А ты своим сестрёнкам сказки рассказывал?

ВАНЯ. Ну, когда они маленькие были — да. Слушали. А сейчас им сказки и не нужны. Гостинцев ждут из Москвы.

ВЕРА. А мне папка сказки рассказывал. Так давно было. Расскажи мне.

ВАНЯ. Сказку? Ну, ты и чудо!

ВЕРА. Тебе жалко.

ВАНЯ. Нет. Дай вспомню. Был, значит, олигарх, и было у него три сына. Два удачливых таких, красивых, прямо принцы. А младший был так себе. Все его каким-то

непутевым считали. Те, старшие, на машинах да мерседесах, а младший - всё своим ходом. И надо олигарху свои заводы и пароходы кому-то передавать, чтобы сыновья его род продолжили — а сыновья всё не женятся, гуляют да по всяким ералашам шатаются. И говорит сыновьям олигарх: вот вам адреса самых красивых в стране девушек, и пока вы на них не женитесь, не приходите. Старшие сыновья пошли по адресам, точнее, поехали на своих мерседесах, и всё у них хорошо — привели к отцу красавиц. А младший сын поехал на метро, да заплутал, темно уже, район неизвестный. Идёт и ищет нужный адрес, а нужного дома всё нет и нет — лес впереди. Ну, пошёл он в лес, идёт и идёт, а ничего нет, пока его кто-то не окликнул. Слышит он, а его Ваней звали: Иван да Иван, иди сюда, я та, которую ты ищешь. Ну, пошёл он. А там лягушка, да ещё такая какая-то некрасивая! И говорит ему лягушка: поцелуй меня - я принцессой стану. Ну, Иван думает: что я дурак, что ли, принцессу целовать, и пошёл дальше. Отошёл с километр и думает: а вдруг и вправду принцесса заколдованная — надо бы вернуться. Вернулся он. Видит: лягушка на лавочке, наклонился и поцеловал её. А лягушка ему в ответ: дурак ты, Иван, раньше думать надо было, ускакала твоя царевна. Так он и остался в дураках и без наследства.

ВЕРА. Ты всё переврал.

ВАНЯ. Зато верно. Так в жизни бывает.

ВЕРА. А я хочу, чтобы в жизни было по-другому.

ВАНЯ. Хоти.

ВЕРА. А ты переживал, когда она ушла?

ВАНЯ. Кто?

ВЕРА. Ну, твоя.

ВАНЯ. Да так. Я просто к людям привыкаю. Планы начинаю строить. Я ведь хозяйственный — всё наперёд хочу. А когда сюси-пусси начинаются, мне это не нравится. Жить — так жить! Серьёзно, а не так. Я ведь ей два платья купил.

ВЕРА. Ты говорил.

ВАНЯ. Ну да. И в Петербург ездили, и за квартиру платил.

ВЕРА. А чего она ушла?

ВАНЯ. А шут её знает. Взяла и ушла. Я чего не понимаю, что вы уходите, приходите.

ВЕРА. Это точно, ты не понимаешь.

ВАНЯ. А чего понимать. Я люблю, чтобы по-простому было, по-понятному. Вот, как лепка — лепишь и всё ясно — тут нажал, там нажал - и получилось хорошее.

ВЕРА. Чудо?

ВАНЯ. Ну, чудо получилось.

ВЕРА. А душа?

ВАНЯ. А что душа?

ВЕРА. В людях же есть душа?

ВАНЯ. Есть, наверное. Я откуда знаю.

ВЕРА. В тебе же есть душа?

ВАНЯ. Есть, наверное.

ВЕРА. Так есть или нет?

ВАНЯ. Ну, есть.

ВЕРА. Без души ничего не слепишь.

ВАНЯ. Наверное. Тебе виднее. Только душу не потрогаешь.

ВЕРА. Не потрогаешь. А ты о чём-то мечтаешь?

ВАНЯ. Честно? Мечтаю.

ВЕРА. А о чём? Скажи.

ВАНЯ. Честно? Не будешь смеяться?

ВЕРА. Не буду.

ВАНЯ. Хочу, чтобы квартира своя была, ну, пусть маленькая, и чтобы жена была... и чтобы без всяких сюси-пуси — ты приходишь, а у тебя на столе ужин или обед стоит...

ВЕРА. Это же просто.

ВАНЯ. А зачем сложно. Ну, вот принц тебя унесёт далеко-далеко, и что вы там будете делать?

ВЕРА. Жить.

ВАНЯ. А как жить, на что жить и что делать?

ВЕРА. Ну, детей рожать.

ВАНЯ. А готовить еду будете?

ВЕРА. Будем.

ВАНЯ. Ну и какой смысл в твоём принце? Что у тебя мечта, что у меня мечта — всё одно. А поэзия хороша на сытый желудок.

ВЕРА. Ты так думаешь?

ВАНЯ. А на голодный ты будешь думать только о еде. Когда денег нет, знаешь, как тяжело!

ВЕРА. Знаю. Но мечтать тоже ведь надо.

ВАНЯ. Ты мечтай на сытый желудок. Тоже можно...

ВЕРА. Понимаешь, а может так быть, что ты мечтаешь-мечтаешь - и вот всё сбывается.

ВАНЯ. Если сбывается, чего плохого?

ВЕРА. Ничего ты не понимаешь! А в Смоленск ты меня свозишь?

ВАНЯ. Сказал — свожу.

ВЕРА. А вот, вдруг уйдёшь — и я тебя не увижу.

ВАНЯ. Да ну тебя. У меня тут ремонт на две недели. Какое там! И чего меня видеть, целоваться, что ли?

Вера потупилась.

ВЕРА. Я готовлю хорошо. Маме нравится.

ВАНЯ. Тоже хорошо.

Молчание.

ВАНЯ. Ты что, обиделась?

ВЕРА. Нет.

ВАНЯ. А что молчишь?

ВЕРА. Думаю.

ВАНЯ. О чём?

ВЕРА. Послушай. Только не смейся. Я сейчас стихи сочинила, ну, придумала.

ВАНЯ. Так быстро?

ВЕРА. Быстро. Да. Вот так быстро. Отвернись.

ВАНЯ. Зачем?

ВЕРА. Отвернись. Пожалуйста!

Ваня отворачивается.

ВЕРА. Слушай. «Мне хорошо! Как это объяснить? Мне кажется, что, если назову словами это чувство, выйдет пошлость. Я отпускаю рифмы и слова. Пусть будут только звуки тишины, ночное небо, воздух, лунный свет, весенний сад, мечты о невозможном, о невозможности! О красоте. И, если есть на свете телеграф, телеграфирующий телеграммы от сердца к сердцу, – я его заложник: я телеграммы отправлять люблю!» *(Последнее слово говорит громко).*

Ваня поворачивается, а Вера, наоборот, отвернулась от него.

ВАНЯ. О чём это! Я ничего не понял.

Слышится лифт. Он поднимается. Вера вскакивает и говорит громко.

ВЕРА. Если я тебя никогда больше не увижу — приснись мне!

Ваня как будто не понял, о чём говорит Вера.

ВАНЯ. Что? Лифт едет. Пора уже.

ВЕРА. Пора!?

ВАНЯ. Твоя мама, наверное, или Олег. Конец нашему сиденью.

Начинает звучать всё та же мелодия. Сначала тихо, потом громче. Вера отходит от Вани.

ВАНЯ. Ты чего? Куда ты?

ВЕРА. Идём! Я хочу спрятаться!

ВАНЯ. Зачем?!

ВЕРА. Я хочу, чтобы мечта не кончалась, понимаешь!?

ВАНЯ. Какая мечта?

ВЕРА. Моя мечта!

Свет мигает. Дымка. Вера хватается Ваню за руку и тянет за собой. Их не видно в темноте. Лифт открывается — в нем никого. Звучит музыка.

В конце спектакля можно сделать эффектную танцевальную композицию как завершающую точку спектакля с участием некоторых или всех актёров.

Свет гаснет.

ноябрь 2017 г. – май 2019 г.

Москва

В пьесе используется мелодия композитора Раймонда Паулса «Do you remember» из альбома «White melodies».

В пьесе использованы стихи из русской классики и современного поэта Елены Лабутиной.

Владимир Набоков - «В хрустальный шар заключены мы были».

Лев Ошанин - «Песня любви».

Владимир Набоков - «Нас мало — юных, окрылённых».

Иван Бунин - «Одиночество».

Елена Лабутина - «Это весна, всё ненужное, отметая рукой».

Сергей Есенин - «Не жалею, не зову, не плачу».

Елена Лабутина - «Я в этом мире, а не в том».

Елена Лабутина - «И лишь зимой заметишь, что кора деревьев».

Елена Лабутина - «Здравствуй, весенняя птица!».

Елена Лабутина - «Телеграммы»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С некоторых пор я полюбил писать послесловия. Послесловие — это такая завершающая точка задуманного и реализованного. Послесловие — это слова радости от того, что что-то было сделано. И в послесловии автор надеется, что читающий послесловие, раз уж он прочитал всю пьесу и дошёл до конца, и решил прочитать и послесловие, благосклонно отнесётся и к автору, и к его последним словам в этой пьесе.

Эта пьеса начиналась с другим названием, и называлась она «На последнем этаже». Потом название стало более поэтичным. Сама же пьеса была начата в конце 2017-го года и потом была положена в стол, а потом вынута оттуда и доработана. Таким

образом, я писал эту пьесу практически два года. И за эти два года много чего интересного произошло, что отразилось и в тексте.

Итак, многое, что происходит в жизни автора, так или иначе попадает на страницы его пьесы. Я долго не мог придумать какие-то интересные детали и хитросплетения для этой пьесы. Поэтому-то я и отложил её подальше. Но шли дни и месяцы, и какие-то мысли дополняли пьесу, и она становилась всё более поэтичной. В пьесе использовано много стихотворений и прекрасная музыка Раймонда Паулса. Вот, кстати, без музыки я никак не мог завершить эту пьесу. Я пишу под музыку. Нет мелодии - нет и пьесы. Эта пьеса начиналась под прекрасного певца Нильду Фернандеса, потом продолжалась под группу Princesse Angine. А потом я понял, что только Раймонд Паулс и его прекрасная музыка должны звучать здесь. А его мелодия «Do you Remember» из его «White Melodies» стала той мелодией, которая расставила все акценты в этой пьесе. И читать мои пьесы надо обязательно под музыку. Да и спектакли без музыки, танца, пластики — это уже совсем другое...

Когда я уже завершал писать текст и когда было всё задумано, в моей жизни произошло одно интересное событие, которое меня встряхнуло. 23-го апреля 2019 года в московском театре «Школа современной пьесы» прошёл Класс молодой режиссуры, где режиссёр Олег Галицкий представил публике отрывок из моей пьесы «Круги на воде» с артистами Дмитрием Ратомским и Еленой Лабутиной. Почему об этом говорю? Дело в том, что пьеса «Когда ты мне приснишься» - это, по сути, продолжение пьесы «Круги на воде», и начата она была сразу после завершения работы над пьесой «Круги на воде». Увиденный мною отрывок всколыхнул во мне какие-то эмоции и чувства. Дело в том, что когда ты пишешь пьесы, то ты живёшь своими героями и их жизнями. Закончил пьесу — герои отошли в сторону. Ну нельзя же постоянно жить чужими жизнями, и что будет с головой, если в ней всё это держать. Поэтому моя пьеса «Круги на воде» ушла далеко в сторону в моей жизни. А тут артисты произносят мой текст, талантливо играют, и что-то странное и интересное со мной происходит. Оказывается, актриса Елена Лабутина пишет искренние стихи. И оказывается, что они замечательно ложатся в мою новую пьесу и подходят главной героине Вере. Вот о таких «Кругах на воде» я хотел сказать. В жизни получается, что всё взаимосвязано. Надо было дождаться этой постановки, прочитать стихи Елены Лабутиной, чтобы дописать, наконец, эту пьесу. Большое им спасибо!

Я пишу о простом. Громко сказать, что я пишу о любви. Нет. Я пишу о том, что происходит вокруг, что может происходить с каждым из нас. А почему бы и нет. Ведь в театре мы должны видеть именно себя, видеть такими, какими мы должны быть — настоящими, смелыми, искренними, любящими. Зачем придумывать в своей пьесе ангелов и инопланетян, когда рядом с тобой живут люди, чьи жизни, чьи чувства и эмоции - это почище любых галактик. Писать надо о людях, об их чувствах, об их жизнях. Да и хочется писать только о них. Хочется, чтобы люди приходили в театр и узнавали себя, своих соседей. Хочется, чтобы они о чём-то задумались. Хочется, чтобы они стали добрее и более открытыми. Театр должен менять человека. Вот последнее, что я дописал в пьесу, это был отрывок о том, как Вера (главная героиня) строила замки со своим другом в детстве из стола, стульев и покрывал. И её за это не ругали. Я это взял из реальной истории, просто прочитав об этом. Я и сам строил такие замки. Строить такие вот замки, возможно, и несерьёзно. Но, по моему, лучше строить замки

и в детстве, и всегда, чем становиться злым, жестоким и бездушным. Может, и стал я писать эти пьесы, чтобы этого бездушия и жестокости было бы меньше. А о любви? Так она есть во всём. Да и эта пьеса создана с большой любовью к людям, к женщинам, к жизни. Я хочу, чтобы мечта не кончалась...

И ещё о самом главном. Эта пьеса была задумана и начата благодаря, в том числе, одному замечательному спектаклю, который называется «Звездопад» и идёт в Историко-этнографическом театре в Москве. Я бывал на этом спектакле много раз и, сидя в первом ряду, наблюдал за интересным, выразительным дуэтом двух артистов — Виталины Отрадной и Андрея Безымянного. Именно эти артисты, их персонажи надоумили меня создать этот текст и дали начало созданию этой пьесы. И я хочу сказать искреннее спасибо и Историко-этнографическому театру, со мной и замечательным артистам!